
ПИОНЕР
№ 5
привет седьмому с'езду РЛКСМ

ОТВЕТЫ ДЕТКОРАМ

Л. Идину (село Чеплынь), **Виталию Теличко** (Харьков), **Деткору Октябрю** (Владикавказ), **И. Устиновой** (1 отр. Д. Бедного), **Р. Подоплееву** (Ново-Сибирск), **Комсомолке** (Владикавказ) **А. Яковлеву** (село Овечкинское). **Поршнову и Беккер** (Баку), **Силенко** (Харьков), **Ф. Иванову** (село Именево), **В. Лихачеву** (Чембарский сельсовет). **Фиме Либензон и Пейсахович** (село Воронцовка), **Петру Калинникову** (Фокинский поселок, ст. Брянск). **И. Козелеву** (станица Михайловское), **Н. Кудряшеву** (Москва 99 отр.). **Рябову и Кайрову** (Витебск), **Н. Аверьянову** (Махач-Кала), **С. Пахомовскому** (село Енангск), **Рае Светловой и Маргарите Ковалевой** (Н. Новгород), **В. Дулову** (Керенск), **И. Китаеву** (ст. Орша), **Арисановцу** (дер. Вокшево), **Андрею Озерову** (Вологда), **Влад. Никитину** (гор. Спасск), **Н. Петеркову** (дер. Каменка), **Ив. Семенникову** (Витебск), **Пикору школы 41-а** (ст. Корнево), **П. Перевозчикову** (г. Рославль), **Соколу и «Орлу»** (Б. С. С. Р. ст. Житковичи), **Плющеву** (Брянск. губ.), **Конюховскому** (Курск), **А. П.** (Н. Новгород), **Корсунцеву** (г. Корсунь), **Каменецкому** (Донбасскор, Славянск), **Б. Антипину** (Усольск) **Б. Чудинову** (с. Верх. Осьва), **Подоплееву** (Н. Николаевск), **Двинину** (г. Каинск), **Мельникову** (г. Рыльск), **Пчелке** (село Пестяки), **В. Клитину** (Вязьма), **Фронтасьеву** (Аткарск), **Чернышеву** (ст. Пачелма). **Ф. Нечаеву** (ст. Обловка), **Чубу** (А. С. С. Р.), **Кидряшкину** (Павлоград), **Юрьеву** (с. Дмитриевское), **Ивану Приз** (Донбасс, село Ивановка), **Шапиро** (Керчь), **Коле Бедному** (г. Скопин). **Новокоскому** (дер. Копол), **Ломашкину** (слобода Белая), **Ландышеву** (село Агаир), **Гладышеву** (с. Дмитриевское), **Нине Февралевой** (Ставрополь), **Мише Вознисенникову** (Устюг), **Емельяновой** (Тобольск), **Н. Сучкову** (Рязань), **А. Дубову** (дер. Высоково), **Д. Ускову** (г. Касимов), **П. Матросову** (Гдов), **Муне Лещинскому** (Киев), **М. Маркиру** (Екатеринослав), **Петру Непомнящему**, **Мих. Назарову** (г. Меленки), **Носкову** (Витебск), **Галуневичу** (Иркутск), **Л. Шагух** (ст. Суземка), **Абаку Моносзону** (Н. Новгород), **«Своему»** (дер. Новоселицы), **Масарскому** (г. Воронеж), **Шашкову** (г. Цивильск), **Сарской** (Саратов), **Некипелов** (Надеждинский прииск), **Селиверстову** (Н. Тагиль), **С. Пролетарскому** (Гандиса), **Моше Березкину** (Могилев), **Соне Цивиной** (г. Богородск). **В. Хохлову** (?). **«Подумал и сказал»** (ст. Обломовка).

Присланные заметки не пойдут. Часть из них запоздала, большинство же написано слабо. Многие ребята вместо того, чтобы писать о работе отрядов, бросаются на изготовление агитационных статей, о пользе чистого воздуха, о жизни вождей, о мощи и силе пролетариата, о «гнилости кровожадной» буржуазии и т. п. Таких статей в журнал присылать не надо, так как они являются пустозвонным повторением всем наскучивших трескучих фраз и ни в какой степени не отражают пионерской работы. Иные деткоры занимаются только голым перечислением названий тысяч организованных комиссий. Это тоже неинтересно. Надо стремиться не перечислять все это, а изложить, как проводилась та или иная работа, какие она дала результаты, какие сделаны достижения, какие замечены ошибки, промахи, недостатки, недочеты. Что сделано, чтобы закрепить достижения; что сделано к уничтожению недостатков и т. п.

Для большей наглядности, как нужно и как не следует писать заметок, мы здесь разберем некоторые из них. Например, деткор В. Романов (Новгородской губ.) сообщает, где находится их отряд; что авторитет отряда среди окружающей детворы растет, что отрядом руководит опытный комсомолец, сообщает о том, на сколько звеньев разбит отряд; о том, что у школьников растет желание вступить в отряд; что пионеры изучают законы и обычаи и т. д. и т. п. Так писать заметки не следует, т. к. они не дают никакого представления о том, как работает отряд. Тов. Романов ни слова не упоминает о том, как шла та работа, путем которой пионеры добились авторитета среди неорганизованных ребят. чем вызвано и как произошло, что у школьников появилось стремление вступить в отряд. Пустые же перечисления никому неинтересны, т. к. всякий отряд всюду разбит по звеньям и каждый проводит почти такую же работу, интересно, как эта работа проводится. Ошибка, сделанная тов. Романовым, встречается у огромного большинства деткоров.

Некоторые пионеры впадают в поэзию и присылают заметки, целиком описывающие различные картины природы. Деткор Ильин (Новороссийск) прислал заметку «Ночью в лагерях». Он пишет: «Солнце медленно катится вниз... Ниже. . Ниже... Уже только маковка виднеется из-за горы. Село... Небо сразу вспыхнуло красным заревом... Пурпуровый цвет и т. д.». Такой «поэзией» заполнена вся заметка, которую тов. Ильин не менее поэтически заканчивает: «В белых палатках спит крепкая, молодая смена». Из заметки Ильина о самой работе пионеров только известным становится то, что «молодая смена крепко спит». Больше ничего о жизни и работе пионеров в лагере неизвестно. Разбирая эту заметку и указывая на нее как на плохой образец, мы, конечно, не хотим сказать, что в заметке не следует описывать природу. Вовсе нет. Но посвятить всю заметку целиком этому описанию, не упоминая ни слова о работе— не следует. Отдел «Наша жизнь» существует в журнале для освещения жизни пионеров. Этого забывать не надо.

Кончая ответы, надо сказать несколько слов ребятам, желающим взяться за деткорство. Собираясь присылать материал, многие из них пишут: «У меня много пьес, стихов, рассказов. Можно ли их присылать?» Отвечаем: если есть написанный материал,—присылайте, но должны сказать, что для журнала более интересным является материал, имеющий непосредственное отношение к отделу «Наша жизнь». На присланные стихи рассказы и пьесы будут даны ответы в одном из следующих номеров.

Ребята!

Многие из вас описывают в заметках одни лишь торжественные случаи из жизни своих отрядов, различные праздники, вечера, собрания и т. д. Мы должны сказать, что такие «праздничные заметки» не дают представления о повседневной, будничной работе отрядов.

Мы предлагаем ребятам в своих заметках больше внимания уделять именно этой будничной работе. Пишите на следующие темы:

1. Что было сделано за зиму, каковы итоги этой работы?

2. Как вы готовитесь к летней работе в городе?

3. Что вы делаете по организации площадок и проводите ли работу среди неорганизованных ребят?

4. Как готовитесь к лагерям?

5. Какие недостатки и промахи у вас в работе, какие затруднения и как вы их преодолеваете?

Редакция

СОДЕРЖАНИЕ:

РЕДКОЛЛЕГИЯ: *А. Волков, Х. Добин, В. Зорин. Н. Крупская, Е. Теремякина.* **ОТВ. РЕДАКТОР** *Х. ДОБИН.*

Главлит № 59458. 5-я тип. «Транспечати» НКПС «Пролетарское Слово» Москва, Южный пер., д. 4. Тираж 24.500.

ГОД ИЗДАНИЯ 3-й

К борьбе за рабочее дело — будь готов!

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА
На 12 м. 3 р. — к.
„ 6 „ 1 „ 60 „
„ 3 „ „ 85 „
„ 1 „ „ 30 „

ПИОНЕР

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРГАН
ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ДЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМ. В. И. ЛЕНИНА
ПРИ ЦК РЛКСМ И НАРКОМПРОСА

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ
Москва, Новая площадь, 6/8, Издательство „Молодая Гвардия“

№ 5 МАРТ 1926 г.

СЛУШАЙ, ПИОНЕР!

Н. К. Крупская

РЕБЯТА, ПОМОГАЙТЕ ОДН!

I

Что за наука такая ОДН?

— „Общество долой неграмотность“. Записывайся-ка в его члены.

— Зачем? Я грамотный.

— Ты грамотный? — Это очень хорошо. А знаешь, сколько в одной РСФСР безграмотных? 12.000.000 ч. Это только тех, кто моложе 35 лет, ну, а пожилых-то сколько!

— Это очень плохо, говоришь ты. А почему плохо? Один мой знакомый учитель у себя в школе дал ребятам написать сочинение: „Почему плохо быть неграмотным“. Ты бы что написал?

II

В соседней школе ребята пьеску даже сочинили: „Похождение одного безграмотного“, составили ее, вот смеху-то было. Жаль, тебя там не было.

Самим безграмотным не смешно. У нас на общей кухне есть девушка—Маша Иванова, недавно из деревни приехала. Страсть научиться читать ей охота. На днях поставила она молоко на плиту кипятиться, а сама села у окна, положила перед собой букварь и все в него смотрит. Подошла я к ней:

— Ну, как, Маша, дела?—А она подняла голову и слезы у ней на глазах.

— Ничего я в толк не возьму, пробка я деревенская,—говорит.

Хотела я ей показать, да стали ее звать:

— Маша, Маша, молоко твое бежит.

Заторопилась она, пошла к плите. У нас — напротив нас — девочка Соня живет, в третьей группе учится. Хорошая девочка. Я с ней условилась: будет она Маше по вечерам помогать учиться. Чего не будет знать, меня спросит. Соня — член ОДН. Ребят тоже берут в члены. На первом Всероссийском с'езде ОДН был делегатом мальчонка лет 13-ти, он уже 15 человек грамоте обучил. За это выбрали его в президиум и посадили рядом со старым, старым, совсем седым учителем, который когда-то учил грамоте Владимира Ильича.

> **ПИОНЕРЫ!**
>
> ПРОЧТИТЕ СТАТЬЮ НАДЕЖДЫ КОНСТАНТИНОВНЫ, ОНА ЗОВЕТ ВАС НА ВЕЛИКОЕ ДЕЛО—ПОМОЧЬ НЕГРАМОТНЫМ СДЕЛАТЬСЯ ГРАМОТНЫМИ. ПРОЧТИТЕ НА ЗВЕНЕ ЭТУ СТАТЬЮ, ПОДУМАЙТЕ, ЧЕМ ВЫ МОГЛИ БЫ ПОМОЧЬ ЗДЕСЬ, И НЕ В ОДИНОЧКУ, А ВСЕМ ОТРЯДОМ ВСТУПИТЬ В О.Д.Н.
>
> Центр. Бюро Юн. Пионеров при ЦК РЛКСМ

III

— Посчитай-ка неграмотных вокруг себя. Ты не знаешь? Разве ты барчонок и живешь, как жили встарь барские ребята, ничего не видя вокруг себя?

Вон у тебя во дворе приятелей— видимо-невидимо. Ты называл их мне как-то: три Володи, Ванька да другой Ванятка, Маша да Саша, Игнатка, Алексей, Нина, Роза, еще какие-то. Ты сказал: „Это мои товарищи“. Но только должна я сказать, что товарищ-то ты только на словах, если даже не знаешь, грамотны они или нет. Ты вспомнил: Нина неграмотная. Почему она неграмотная? Знаешь? Ну, расскажи!

У Нины мать работница. Яслей у них на фабрике еще нет. А братишке Нины только третий год пошел. Одного дома не оставишь. Вот Нина с ним и сидит. Тоже сварить ему кашу надо, в комнате убрать. Вечером, когда мать придет, Нина могла бы учиться, да куда она вечером пойдет. Что ты задумался? О чем думаешь? О том, что ты мог бы заходить к Нине и помочь ей стать грамотной?

Наискосок от нас дом, где живет много грузчиков, среди них неграмотных немало. Решили грузчики организовать кружок по ликвидации неграмотности да нет денег на оплату учителя, на покупку букварей. Помещение найти можно.

Услыхал это Сережа-пионер и рассказал про это в своем звене „Дети Ильича“. Звено постановило записаться в члены ОДН и делу помочь. У Таниных родителей оказалась знакомая учительница Марья Васильевна, которая раз при Тане говорила Таниной матери, что она

член ОДН и готова раза два в неделю заниматься бесплатно с кружком безграмотных. Звено послало к Марье Васильевне трех выбранных — и Таню в том числе—спросить, согласна ли Марья Васильевна заниматься с грузчиками. Та согласилась.

Затем звено постановило провести по школам сбор букварей. В звене „Дети Ильича" дети из 3-х школ. Набрали 8 букварей. Мало этого,—постановили обратиться за помощью в отряд. Отряд раздобыл еще 9 букварей, карандашей, бумаги.

Звено „Дети Ильича" пришло на собрание месткома, попросило созвать желающих учиться, — набралось 24 человека. Звено „Дети Ильича" привело на собрание Марью Васильевну, она заявила, что будет заниматься бесплатно. Дети принесли свои собранные карандаши и подчищенные и заботливо подклеенные 17 букварей.

Затем Сережа от имени звена „Дети Ильича" заявил, что звено берет шефство над кружком грузчиков, оно принялось уже клеить разрезанную азбуку и плакаты из простых слов, будет выделять на каждый урок по два пионера в помощники Марье Васильевне.

Кроме того, звено думает всех учеников ликбеза поделить между собою,—придется на каждого члена звена по 2 человека. Он будет им помогать скорей обучиться грамоте. Грузчики благодарили ребят. Ребята спели им „Молодую Гвардию".

IV

Из подшефной деревни, Денисовки, приезжали в прошлое воскресенье двое крестьян, рассказывали—у них в деревне школы вовсе нет, ребята растут безграмотными. Члены детской ячейки ОДН решили помочь деревне, чем могут. Они уговорили приехавших крестьян стать членами ОДН, послали с ними к подшефным ребятам письмо:

„Ребята, мы—члены ОДН—пишем вам товарищеское письмо. Берись, ребята, за дело. Налегай на родителей, чтобы о школе хлопотали. А пока времени не теряй, беритесь сами за букварь, друг дружке помогайте. Мы вам посылаем 5 букварей, 2 тетрадки и 3 карандаша".

Через два дня послали по почте вдогонку другое письмо:

Пионерка обучает неграмотную

„Еще надумали написать вам вот чего... Надо всем вам членами ОДН стать и всех до одного матерей и отцов на это дело поднять. Да здравствует ОДН! Отпишите, сколько у вас членов ОДН".

Как бы деревенским ребятам помочь, что бы удумать, чем пособить?

V

Ты решил стать членом ОДН. Дело это серьезное. Надо его хорошенько обдумать. Я расскажу тебе теперь, что говорил обо всем этом Ильич.

В октябре 1920 года был с'езд РКСМ, комсомольцы позвали к себе на с'езд Ильича. Ильич приехал и долго толковал с комсомольцами. Он им между прочим сказал: „Быть членом союза молодежи — значит вести дело так, чтобы отдавать свою работу, свои силы на общее дело.

Вот в этом состоит коммунистическое воспитание. Только в такой работе превращается молодой человек или девушка в настоящего коммуниста". И тогда же Ильич привел пример того, что значит отдавать свои силы на общее дело. Он сказал: „Все говорят о ликвидации безграмотности. Вы знаете, что в стране безграмотной построить коммунистическое общество нельзя. Недостаточно того, чтобы Советская власть приказала или чтобы партия дала определенный лозунг, или чтобы бросить известную часть лучших работников на это дело. Для этого нужно, чтобы само молодое поколение взялось бы за это дело.

Коммунистическое общество — это такое общество, где нет никакого угнетения, никакой нищеты, где люди живут дружно и счастливо. Коммунист тот, кто хочет такой жизни.

Но мало хотеть, надо еще делать то, что улучшает жизнь. Коммунист тот, кто отдает свои силы, свою работу на общее дело. Нельзя думать так, что ликвидация безграмотности меня не касается, это дело Наркомпроса построить побольше школ, дело Совнаркома дать на это побольше денег, а „моя хата с краю, знать ничего не знаю".

Дело такое большое, что Наркомпрос и Совнарком одни без помоги не справятся.

Каждый сознательный человек должен помогать. Те ребята, которые уже выучились грамоте, тоже должны помогать неграмотным обучиться".

Так говорил Ильич. Молодежь сама должна браться за дело. Берись-ка и ты! Записывайся в члены ОДН!

Лев Гумилевский

Рис. худ. И. Дубасова

ЧЕРНЫЙ ЯР

Роман

(Продолжение)

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ТЕНИ ПРОШЛОГО

В полверсте от деревни, вниз по Волге, за заливным небольшим островом, отделявшимся об берега заплотиненным озером, на круче стояла барская усадьба. Когда-то ее белым домом с мраморными колоннами, полукруглой террасой, огромным парком, причудливыми конюшнями и людскими избами любовались с пароходов праздные пассажиры. Теперь в запущенном парке, наспех вырубленном, торчали развалины каменных стен, лежали груды кирпича, еще не растасканного мужиками на поправку деревенских печей. В углу парка каким-то чудом сохранилась круглая каменная беседка, в которой, по преданию, прежние владельцы усадьбы принимали Екатерину Великую и князя Потемкина. На каменном полу, в пыли и мусоре, может быть и сейчас еще можно было найти окурки египетских папирос, хранившихся ранее в серебряной пепельнице, как вещественные следы пребывания высоких гостей, теперь же выкинутых в мусор и затоптанных вместе с цыгарками на грязном полу.

Еще сохранившиеся дорожки вели от беседки к каменным развалинам усадьбы. Учитель с Егоркой шли полем, ближним путем, прямиком, и вошли в парк с этой стороны. Миновав беседку, учитель остановился передохнуть от крутого под'ема и оглянулся. Отсюда видна была волжская, вечно мутная даль, сияющая в ночи разноцветными звездами сторожевых огней.

Егорка засмотрелся на реку. Бокастов тронул его за плечо:

— Красота какая! — сказал он, — не наглядишься. Вот бы где нам школу построить и при ней детский сад. Как я просил мужиков тогда — не жгите. Да разве сладишь с ними...

Он замолчал вдруг, точно уперся в стену. И тут же заторопил мальчика:

— Ну, пойдем, пойдем дальше! Вижу уж что ничего тут нет, ну, на всякий случай, оглядеть надо.

Они прошли аллеей, окруженной теперь пеньками и молодой порослью. Учитель мечтательно заговорил о прежнем:

— Думаю зимой собрать хороших ребят и с ними возьмусь за дело—надо деревню на новый лад перекраивать. Темнота у нас. Двенадцать лет я здесь, так убедился—мужиков не переделаешь. Надо с ребят начинать... Боишься?—перебил он себя, трогая Егорку за руку,—а?

Егорка действительно приглядывался к кустам, но не столько из боязни, сколько из желания узнать правду. Было в рассказах Чугунова и Софрона Ивановича что-то загадочное, отчего нельзя было просто отмахнуться, и Егорка чувствовал, что нужно дознаться до самого конца.

— Дыму без огня не бывает, — сказал он задумчиво,—ведь, вот нам не кажется ничего, когда нет ничего. Не казалось, ведь, им раньше, не кажется сейчас, когда они спят в избах. Ведь что-нибудь да есть тут, Сергей Семенович,—а?

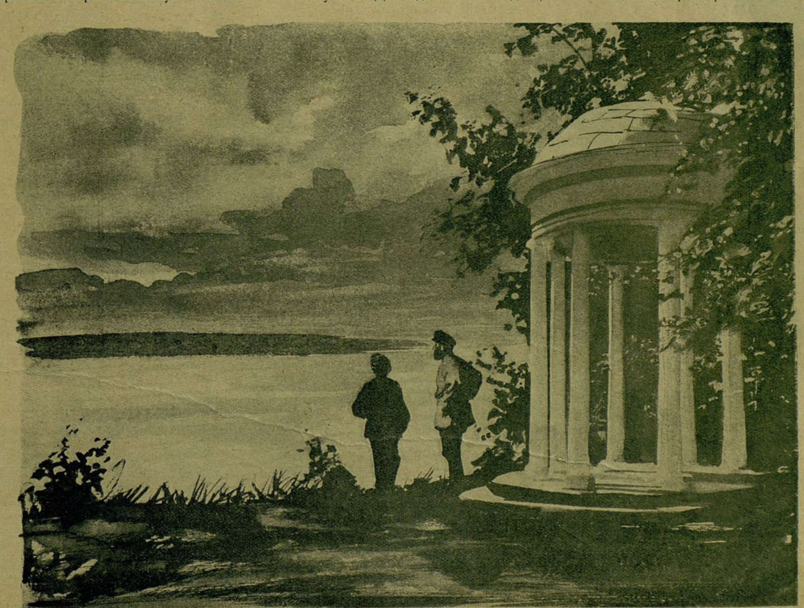
— Что-нибудь должно быть,—согласился учитель,—что-нибудь есть. Пойдем, может быть и наткнемся на след какой-нибудь.

Аллея кончилась. Они вышли к обломкам колонн и крыльца, обошли развалины террасы и завернули за единственную стену, оставшуюся стоять и зиять дырами окон.

— Вот здесь! — сказал твердо Егорка,—здесь...

— Что здесь?—вздрогнул учитель.

— Здесь их расстреляли...

Отсюда видна была волжская даль

Он пробрался к окну не дыша

лел в движениях, стал похож на старика, привыкшего к горю и тоске.

— Куда же теперь? — так обойдем или домой?

— Пойдемте так.

Они обошли стену и вышли к грудам земли и камней, стали осторожно обходить их, спотыкаясь на каждом шагу. Егорка зашиб палец на ноге и, схватившись за него, затанцовал на одной ножке. Учитель, вышедший вперед, оглянулся и вдруг шатнулся к Егорке.

— Кто это?

Голос его охрип. Егорка не разобрал даже слов, но оглянулся назад. Из-за черной стены точно следом за ним выскользнула тень человека.

— Кто там? Кто это? — взвизгнул Егорка.

Тень остановилась. Тогда Егорка снял со спины свой бич и, играя им в воздухе, как ружьем, крикнул смело:

— Стой! Стрелять будем!

— Погодите, — отозвался знакомый голос от стены, — нечаянно и попасть можете.

— Кто ты? — спросил учитель, приходя в себя, что за человек?

Человек двигался от стены прямо к ним и на-ходу говорил:

— Не узнали что ли? С кем это ты, Егорка, а, с учителем?.. Ну, здравствуйте! Семик я, узнали что ли?

— Тьфу, чтоб тебе растолстеть! — вздохнул учитель, - откуда ты взялся? Что тебе надо тут?

— Спал, а вы разбудили. В беседке я был, а потом за вами пошел, думал чужие.

— Как ты в беседку попал? Дома тебя нет?

— Да меня уж второй день в деревне нет. Я в отлучке был...

— В Сорочьей Крепости? — спросил Егорка.

— Ну, да! — буркнул тот, — там!

— Нынче утром оттуда мужик был, говорил, что там царя видели. Не ты это царем об'являлся? — спросил учитель.

— Ну, я.

— Что же, не понравилось в царях ходить?

— А ну их к лешему! — выругался Семик, напал на мужиков — дураков чистых. Царем признали, не спорили, а уважения — один самогону стакан. Нет, я вам вот что скажу, товарищи...

— Что?

— Из всех деревней — наш Черный Яр. В других местах давно поумнел народ...

— Поумнеют и у нас скоро!

Учитель усмехнулся, посмотрел на Егорку:

— Ну, вот и вся тайна. Холодеет к рассвету, ребята. Роса будет — ай какая! Взмокнешь до костей, - идемте-ка живее! Он вскинул мешок на плечи, укрываясь им от ночного холодка, и, молодея на бегу, побежал вперед, прыгая ловко через камни и рвы. Семик бежал за ним, поругиваясь. Егорка не отставал. Выйдя из парка на поле, пошли тихо все вместе. Семик, смеясь, стал рассказывать о Сорочьей Крепости.

У школы учитель простился с ними. Егорка пошел с Семиком в деревню. Семик продолжал хохотать, а проходя мимо кузницы заметил:

— Ничего не поделаешь Егор — придется в самом деле в подручные к кузнецу пойти, Аксютка мне правду сказала, только я лучше в кооператив поступлю — работа полегче.

Тогда только Егорка опять вспомнил о софроновом видении на пожарище. Он остановился перед Семиком:

— Погоди, Семик! Ты когда вернулся-то?

— Сегодня к вечеру.

— А вчера, а вчера... — задохнулся Егорка, — а вчера ты там на пожарище не был?

— Нет.

Егорка потер лоб и скрипнул зубами от гнева.

— Значит Софрон не тебя видел там?

— Нет.

Семик недоумевал — Егорка махнул рукою, не отвечая ничего ему на расспросы, и пошел прочь, не оглядываясь. Распутавшаяся было так просто тайна запуталась снова, и мрак черноярских улиц охватил пастуха с неменьшею жутью, чем всех черноярских мужиков.

В этот вечер он ужинал у Коршуновых, но в маленьких окнах избы не было давно уже света, и, напрасно постучав в окно и калитку, Егорка лег тут же на широкой завалинке под окнами.

Лежать было неудобно. Пастуховская сумка под головою была жестка. Он несколько раз ворочался с боку на бок, потом решительно повернулся на спину, открыл глаза:

«Высплюсь в поле днем», — подумал он и стал смотреть в небо, облитое холодным светом зеленоватых звезд.

С Волги далеко слышный в ночной тишине доносился шум пароходных колес и ропот машины, отдававшийся с воды где-то близко, среди тесовых деревенских крыш.

Над головой у Егорки торчал резной конек Коршуновской избы. Глядя на него, резким силуэтом черневшего на фоне светлого от звезд неба, Егорка думал о Волге, о тесных и душных избах, о мужиках и снова, и снова о какой-то тайне, появившейся в развалинах княжеской усадьбы.

«Милиционеру сказать? — думал он, — ведь, жулики!»

Добродушный, толстый милиционер вызывал Егоркино доверие и силою, и смышленостью. Он был чужой, не черноярский — оттого должно быть не боялся он темного яра над омутом, ругал Нечилу, посмеивался над черноярскими приметами и страхами и не боялся ослушаться доронинского приказа караулить Софрона.

«Скажу ему! — решил Егорка, — только сначала еще завтра схожу один. Если след какой будет — значит верно. А следы должны быть».

Мальчик снял шапку и посмотрел на стену. Учитель отвернулся. Егорка, помолчав, вздохнул, — на одно мгновение он только прикрыл дрогнувшие веки. Но и в это мгновение с непобедимой точностью мелькнул перед ним страшный вечер, чужие люди, уводившие отца, а на утро мать с стеклянными глазами, запекшийся шрам у него самого на лбу.

— Здесь! — прошептал он.

— Что здесь? — опять переспросил учитель.

— Здесь Софрон Иванович человека вчера видел этого...

— А вот нет никого.

— Нет никого, — повторил Егорка, прислушиваясь, и вдруг спросил тихо, — где их хоронили?

— Расстрелянных? Закопали где-то тут же. Кто знает? Сюда с месяц и не ходил никто — так всех перепороли.

— Кто же хоронил?

— Казаки же. Дня через два похоронили после.

— Может быть мы на могиле и стоим?

— Нет! Я думаю, что в погреб их бросили и завалили. Вон там погреб был. После пожара он открытый еще был, а потом оказался засыпанным. Могилу бы заметно было...

Учитель говорил просто и спокойно, но голос его был необычен: в нем звучала глухая скорбь и безнадежная тоска. И, когда он пошел дальше вперед, Егорке показалось, что он сгорбился и отяже

Успокоенный своим решением, он закрыл глаза. Черный конек резной крыши и светлое небо исчезли в темноте и, повернувшись на бок, Егорка заснул как-то вдруг, сразу — точно упал в об морок и потерял сознание.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ПРИЗРАК

В то утро подпасок опередил пастуха. Громкий бич его поднял на ноги деревню чуть свет. Аксютка не успела выдоить корову. Выгнав ее за ворота, она улыбнулась Егорке заспанными глазами, крикнула:

— Приду на водопой доить!

— Приходи!—улыбнулся в ответ ей подпасок, — да я спать буду: не спал всю ночь.

Аксютка испуганно кивнула в сторону усадьбы:

— Неужто был?

Егорка насупился и ничего не ответил.

Бабушка Ненила выгнала корову с молитвой, перекрестила ее и, не расправив еще в пальцах креста, погрозила подпаску:

— У, леший! Все людей мутишь? Смотри!

Егорка принял корову, не отвечая. У Чугуновых вышел с коровой сам Захар Никитич. Он подмигнул на старуху Егорке, крикнул одобрительно:

— Молодец, молодец, Егорка! Бей сороку и ворону—добьешься и до белого лебедя!

— Про что это ты?—спросил он.

— Про песенки твои. А на них наплюй: у кого желчь во рту, тому все горько.

«Узнал все,—подумал Егорка, принимая корову, — кто разболтал?»

Захар Никитич проводил его долгим взглядом. Ненила отплюнулась и ушла. Пестрое коровье стадо, вырастая по дороге, вздымало розовую пыль над деревней. Егорка хлопал бичом, свистал собаке и она носилась, как угорелая, подгоняя отстающих коров.

Едва только вышло стадо на выгон, Егорка подошел к пастуху. Седой, дряхлый глуховатый пастух наклонил к нему ухо:

— Ты что?

— Я, дяденька, отбегу на час. Справляйся один!

— Куда?

— Дело, дяденька, есть.

Егорка нацелился уже итти прочь. Пастух погрозил костлявым пальцем неодобрительно:

— Смотри! Какие еще дела там?

— Важнейшие дела!—крикнул он ему на ухо, уходя.

Собака пошла было за ним. Он отогнал ее к стаду и круто свернул в сторону усадьбы.

Было уже совсем светло. Огромным багровым щитом высовывалось солнце изза голубой каймы леса. Предутренний ветерок стал резче и суше. Над Волгой белыми клубами поднимался густой туман. Из-под тумана кое-где уже поблескивала расплавленной сталью покойная вода. Егорка пошел быстрее, вздрагивая от утренней прохлады и осторожно ступая межами, чтобы не промочить ног высокими травами, мокрыми от росы.

Теперь он подходил к пожарищу с поля. В парке он остановился прислушаться и дальше пошел с осторожностью. Он оглядывал кусты и дорожки, подглядывая хоть какой-нибудь чужой след.

Выбравшись к развалинам, он обошел их с другой, чем вчера, стороны, вошел внутрь и опять остановился. Осыпавшийся из-под ног мелкий песок и щебень прошуршали в камнях и замолкли. Было по-утреннему тихо, лишь с Волги из невидимой дали неслось сопение парохода да за стеной рухнул камень. Егорка прислушался и стал пробираться к окну. Там, снаружи, кто-то рылся в камнях — теперь уже не было никакого сомнения. На одну минуту ему почудилось даже дыхание трудившегося человека. Он пробрался к окну, не дыша. По груде кирпичей можно было взобраться так высоко, что осторожно выглянуть в окно за стену не составляло труда.

За стеною, склонившись низко к земле, стоял человек. Он не был похож ни на кого из деревенских. Егорка побоялся окликнуть его, но, усевшись на обгорелом косяке окна и прячась за тень, стал следить за этим странным человеком. Из-под свалившегося на лоб картуза выглядывали длинные, густые волосы, но белые, как снег, и Егорка смотрел на них с изумлением: этот человек с седыми волосами не мог быть стариком.

Тот же, видимо, не делал тайны из своего занятия. Он спокойно отворачивал кирпич за кирпичом, осматривал щели под ними в стене, с досадой выпрямлялся, откидывал камни прочь, о чем-то думал и снова принимался за работу.

Он был углублен в свою работу так, что не оглянулся и на легкий шум упавшего песка из-под тянувшегося глубже в окно Егорки.

Работа эта продолжалась долго. Уже Егоркины плечи стало припекать солнце, уже он давно пересидел ногу и ждал нетерпеливо. Он уже раздумывал, как бы без шума переменить место, как вдруг странный любитель развалин с необычайным проворством ринулся к поднятому кирпичу и со вздохом торжества вынул оттуда сложенный лист бумаги. Он развернул полуистлевшие скоробленные и полинявшие листки и с беспокойством стал разглядывать их.

Он дошел до конца и простонал:

— Я так и знал!

Егорку заинтересовала бумажка. Он потянулся из окна, забыв об осторожности. Из-под ног его скатился с грохотом кирпич. Таинственный незнакомец торопливо спрятал находку и оглянулся, отыскивая причину шума, тогда Егорке стало видно его лицо. В тот же миг исчезло солнце, в сердце впились холодные иглы, и все пропало во мраке затрепетавших страшной болью глаз.

Егорка почувствовал, падая, как ударился головой о стену. Но и боль не заглушила мысли—тот человек не видел его.

Он очнулся нескоро, - от чьих-то влажных прикосновений к щекам. Он открыл глаза. Над ним, ворча и лая, металась верная овчарка. Она лизала его руки, лицо и губы. За нею, с глазами круглыми от страха, стояла Аксютка.

Егорка поднялся, не понимая.

— Ты что, Аксютка?

Глаза ее вдруг повлажнели теплыми слезами.

— Как ты сюда попала?

Над ним, ворча и лая, металась верная овчарка

(Продолжение следует)

А. Кожевников

Рис. худ. В. Ефанова

ТУРМАЛИН-КАМЕНЬ

— Гурьян, а, Гурьян, шабашим!— кричит Тимка, нагибаясь над дудкой.— Солнце греет в самую маковку...

— Шабашим, так шабашим,—гудит Гурьян из дудки.—Давай бадью!

Тимка спускает бадью и подымает в ней Гурьяна, оба они останавливаются над желобом, в котором моют золото. Гурьян спрашивает:

— Много намыли?

— Не знаю, доводку не делал, сейчас сделаю...

У обоих нетерпенье. У подвижного нервного Тимки оно все наружу. Он становится перед корытом на колени и торопливо очищает крупинки золота от песка и шлиха... Гурьян не показывает своего нетерпенья, но ему тоже интересно знать и он следит за работой Тимки.

Гурьян и Тимка—ровесники, им по пятнадцати лет,—из них не меньше десяти они ходят по земле вместе... За эти годы их никто не видел поодиночке... Гурьян и Тимка, как два колеса. У них многолетняя дружба, и особенно крепка она стала с тех пор, как они ушли в горы хищничать—тайком мыть золото...

— Во сколько, золотника три будет,— показывает Тимка совочек с золотом.— Мы сейчас узнаем.—Тимка достает из кармана маленькие весы,—у них легкие медные чашечки на шелковых тонких шнурках; осторожно ссыпает золото на одну, на другую ставит гирьки.

— Четыре, целых четыре... К вечеру намоем еще четыре... Недурно?.. Продать по шесть рублей за золотник...— и Тимка начинает высчитывать...

— Будет считать, за неделю-то впервой так намыли,—ворчит Гурьян...

— Если вперед этак пойдет, мы, пожалуй, разбогатеем...

— Не разбогатеешь, скорей милиции в лапы попадешь, чем разбогатеешь.

— А ты не каркай!..

— Не каркай... Всем известно, что мы шарамыжим, не знают только где. Поедут искать и найдут...

— Говорю, не каркай, Гурьян!.. Эх, имя же у тебя чертово, никак его не изменишь,—одно слово Гурьян, кругом Гурьян... У меня вот на десять ладов можно—Тимоха, Тимофей, Тимошка, Тимка, Тимоня, Тимушка, Тимок... А ты, Гурьян,—и все тут... Гурьян, принеси-ка банку...

Гурьян пошел неуклюжей медвежьей походкой к куче камней в сторону от дудки. Там была спрятана железная банка с золотом. Ребята не осмеливались держать ее в шалаше.

Случись такая неприятность, что их накроют, и не спасешь золота. А там оно наверняка не будет найдено и за ним можно притти потом.

В банке было золото, а у Тимки в кармане бумажка, на которой написано, что золота этого 23 золотника. Сегодня прибавят еще 4 золотника.

Гурьян опять понес банку. Тимка глядел на его кривые толстые ноги, на широкие плечи, на длинные руки с большими кулаками, и вдруг странная мысль появилась у Тимки:

— А кто окажется сильней—я или Гурьян, вдруг мы станем врагами, кто будет сильней?..

Тимка посмотрел на себя... Непохож он был на Гурьяна—выше ростом, тоньше. У него кулаки меньше, но у Тимки необычайная ловкость и гибкость в теле... И, пожалуй, он не уступит Гурьяну... Никогда не бывали Гурьян и Тимка врагами и не знали кто сильней в борьбе и в драке.

По работе они оба одинаковы, не уступают друг другу.

Если Гурьян идет, Тимка идет; Гурьян устал, Тимка тоже устал... Тимка может голодать—на одной воде быть три дня, и Гурьян может... Тимка переплывает самую широкую реку, переплывает и Гурьян... Удирали они раз от милиции... Думал Тимка, что Гурьян не уйдет, схватят его, а Гурьян удрал наравне с Тимкой. Хоть и кривые у него ноги, неуклюже-медвежьи, а может он бегать— сапатые у него ноги.

Развели костер, поставили варить кашу в медном котелке. Прыгал огонь, тешился, радовался, видно, солнцу, голубому небу, зеленым горам и свежему ветерку. Хорошо гореть в теплую, сухую погоду, это не то, что в сырую осеннюю ночь, когда дождь норовит залить, ветер—задуть... Трудно тогда приходится огню, мечется он, как в припадке...

— Гурьян! Продукты у нас выходят, итти надо...

— Сходим!..

Лежит Гурьян на желтом горячем песке и Тимка лежит на песке... Рядом ручей бьет из каменной щели и падает в цинковый желоб, в котором промывают ребята золото. Падает ручей прозрачной полосой, как полоса белого железа, и звенит цинковый желоб...

Тянет ребят заснуть под этот негромкий, неутихающий звон...

— Гурьян, сдвинь желоб, услышит кто шум, и накроют...

— Убери сам!

Тимка убирает, подходит к Гурьяну.

— Думаешь, который у нас сильней?

— Вот выдумал!..

— Нет, как по-твоему?..

— Оба одинаковы... Не драться ли ты думаешь?..

— Зачем нам драться,—так, зря спросил... Ружье нам надо, хоть одно на двоих.

— Лучше два, чтобы я мог в тебя выстрелить, когда ты в меня выстрелишь...

— Не выдумывай,—про силу я зря спросил, я ничего не думаю...

— Ладно, будет,—каша кипит, мешать надо, сгореть может...

Потом едят друзья кашу, запивают холодной водой из ручья...

— Похоже мы с тобой на жилу напали... Молчит Гурьян, это всегда раздражает словоохотливого нервного Тимку.

— Гурьян, чего ты вечно молчишь?.. То ли немой, то ли дурак?.. Нет што ли в тебе слов, рыба ты бессловесная!

— Зачем говорить?.. Можно без слов работать, есть можно, жить можно? Можно? Ну, зачем и говорить?

— Все говорят, а ты пень-пнем!.. Заглянуть в тебя, может ты чорт знает, что задумал!..

Давай бадью!

— Ничего я не задумал.

Тимка не любил молчанья, он даже боялся его и сам вечно тараторил, заставлял и Гурьяна.

— Слыхал я, что в этом логу раньше водились самоцветы. Наткнуться бы на хороший!.. А, да развяжи ты, Гурьян, свой язык!

— Будем искать.

— Рублей на тыщу!

Тимка сильно мечтает о самоцвете, о золотом самородке, за который можно получить тысячу рублей. Не от жадности он мечтает,—обстоятельства таковы: в деревне—мать с кучей мелюзги живет в большой бедности... Ради них хочет денег Тимка... К тому же с самого детства привык глядеть в землю и искать камень, самородку. Деревня, из которой Тимка и Гурьян, стоит при Мурзинских копях дорогих камней... Там все ребята с берестяными бурачками ходят по лесам, по оврагам, у речек и ручьев, ищут камешки и дорогие брызги...

Гурьян и Тимка начали ходить с пяти лет, с пяти лет начали думать о большом дорогом камне... Много они собрали хрусталей, кварцов, кремней... Попадались им мелкие брызги камня—агата, топаза, турмалина, но большой камень найти не удалось... Тимка все время говорит о дорогом камне, Гурьян молчит, но молчит он тоже о камне...

После обеда Тимка спускается в дудку, а Гурьян черпает бадьей песок и промывает его в желобе. Работают они до вечера, до позднего вечера.

Солнце упало за горы, вся половина неба озарилась и стала, как медный шлем. Тени от гор покрыли весь лог, а Гурьян и Тимка все моют.

При последнем свете умирающего дня они делают доводку, взвешивают золото и всыпают в свою банку еще 5 золотников...

— Хорошо,—радуется Тимка.— Пять золотников, значит глубже жила будет богаче...

В вечернем сумраке они прячут банку в камнях, прячут там же: желоб, ковш, котелок, лопату и оба идут в свою деревню... Идут за продуктами... Почему оба... Они такие друзья, что никогда не разлучаются... Вдвоем спокойнее, если попадет один, другой поможет ему отбиться, другой унесет банку...

Идут они знакомой лесной тропой (им знакомы все тропы по округе), Ивановские светляки освещают дорогу, много их в траве, они рассыпаны, как густой посев желтого гороха.

В кустах по оврагу насвистывает соловей и плещет вода... месяц прикрылся облаками и бежит куда-то своей дорогой по засблачным высям... Гурьян и Тимка подходят к деревне... Их встречают собаки лаем, но они скоро умолкают и расходятся по дворам. Они по запаху учуяли, что идут свои, но в другом конце другие разбуженные ссбаки продолжают лаять.

Развели костер, поставили варить кашу...

Деревня раскинулась на склонах нескольких гор... Во всех концах начинается тихий звон—это сторожа ударяют в железные била—это значит, что минул полуночный час... Улицы пусты, только иногда чудится тень, легкий шорох, осторожные шаги... Не смущает это Тимку и Гурьяна, знают они, что пробираются к дому подобные им хищники...

У моста через реку останавливаются оба. Тимка говорит:

— Жди под мостом, — расходятся: один—вправо, другой—влево.

Тимка не стучит дома в ворота, он идет прямо к окну, которое глядит не на улицу, а в огород, и лезет в избу. Окно никогда не запирается, оно всегда в любой час ночи, в любую бурную ночь готово пропустить Тимку.

Просыпается мать,—она чуткая...

— Ты, Тимка?..

— Я...

Мать в темноте шарит по полкам и ставит перед Тимкой горшок молока с краюхой хлеба.

— Поешь, я соберу...

Пьет и ест Тимка при скудном свете месяца. Его многочисленные сестренки и братишки спят, свистят носами. Они не чуют, что их старшой брат дома, они редко видят его и совершенно не знают, где он бывает и что делает.

Тимка сыт, мать подает ему темную набитую котомочку, целует и говорит:

— Иди!.. Ничего, попадает?

— Есть, тридцать намыли...

Тимка через окно на улицу, к мосту, под него... Там уже ждет его Гурьян, он тоже с темным узелком и жует...

Поторопился, дома не доел, доедал на ходу...

Молча идут улицей, когда выходят за околицу, слышно, как в деревне звонкие чугунные била отбивают первый час новых суток... На востоке рождается заря, горит веселым ярким огнем, радуется своей короткой жизни и земле, торопится покрасоваться, недолго, ведь, ей жить, всего только раз до восхода солнца, а завтра придет другая, спутница другого дня... Так пусть же будут ярки и нарядны зори и утренние, и вечерние...

Тимка выпрямился, бросил работу, потом он встал на колени и припал ухом к земле... На лицо легло напряженье и беспокойство... Тимка склонился над дудкой и шептал...

— Гурьян, едут, вылазь...

— Едут?..

— Да, слышно...

Бадья подняла Гурьяна.. Был явственно слышен бой конских подков в камень и человеческие голоса.

— Бежим, — тянул Тимка.

— Стой, нельзя так, а желоб куда, убрать надо. И лопату...

— Золото, банку...

— Пусть лежит, не найдут...

— А найдут если? Скорей! Гурьян, они сюда...

Гурьян выкинул из желоба песок и отдал его Тимке.

— Беги с ним дальше, к горе Вотихе, а я их запутаю...

Тимка убежал лесом, кустарниками, а Гурьян взял ковш и лопатку, ждал...

Не было сомнений, что едут конные и мирно говорят, но говорят о хищниках. Они не думают, что в двадцати шагах стоит Гурьян.

— Вчера поступило донесение, что хищничают двое мальчишек,—забыл как зовут; у меня записано,—слышит Гурьян голос...

— Мальчишки что, неинтересно их ловить...

— Попадут, не пустишь, не имеешь права...

— Знамо не пустишь, а Терешку Брагина надо бы...

Понимает Гурьян, что ищут Брагина, знаменитого хищника, но попади они, тоже не пустят.

Конные ближе, отделяет их от Гурьяна купа кустов.

— «Пора действовать»,—решает он и отбегает в сторону, на-ходу ударяет лопатой в камень.

Звенит лопата и жутко от этого звона в тишине леса... Смолкают голоса. Несколько секунд не слышно лошадиного топота, потом треск сучьев и топот...

«Теперь погоня», — соображает Гурьян, бежит дальше и опять ударяет лопатой. Слышит все время за собой бой копыт и дых лошадей...

Гурьяну мешает ковш, и он прячет его в мох... Отбегает все дальше в лес, кашляет, будто не может удержаться, и ведет конных за собой. Так преследуют они его больше версты, но Гурьян ловок, и его не могут поймать... Они только догадываются по кашлю, по звону лопаты, что от них скрывается человек, но увидеть его им не удается... «Довольно»,— решает Гурьян и прячется в кусты. Конные долго ищут его, проезжают рядом с кустом и говорят:

— Уметался, сволочь... кто бы это?..

— Может, сам Брагин...

Гурьян разбирает густые ветви куста, и ему видно двоих конных милиционеров. Они уже приготовили револьверы...

— Куда теперь?—спрашивает один.

— Поищем кругом!..

Гурьян пробирается еще на версту дальше от своей дудки и кричит несколько раз:

— Терешка, Брагин!.. Иди сюда, гад проклятый!..

Чей-то голос из зарослей за рекой откликается ему...

«Довольно, теперь им не найти нашу дудку»,—и Гурьян возвращается к дудке, а милиционеры поскакали на его голос, им очень хотелось поймать Терешку Брагина.

Вернулся Гурьян к дудке, осмотрел следы конских ног и успокоился. Были следы в стороне, значит милиционеры не видали дудку, можно опять смело работать, но работать нельзя, нет Тимки с желобом, и ложится Гурьян в кусты спать. Он знает, что Тимка вернется не раньше вечера. Спит Гурьян до вечерней зари, а потом зажигает костер и ждет Тимку. Ночью он слышит шорох и свист... Так свистит один Тимка, с переливом, и Гурьян негромко говорит:

— Иди, можно.

К костру подходит Тимка с желобом на голове...

— Ну?..

— Уехали...

— Не попал?..

— Попал, не здесь сидел бы... Запутал их...

— Дудку нашу видели?..

— Нет, проехали стороной.

— Хорошо, а то жалко бросать дудку, богатая.

Эту ночь тревожатся друзья и тушат костер...спят по очереди, один все время не спит и прислушивается. А ночь проходит спокойно при полной луне и звездах. Неведомы ей тревоги хищников-золотоискателей... Утром рождается в огнях и в радугах заря, а у Гурьяна и Тимки рождается надежда, что они найдут дорогой и редкий самоцвет... Радостно им от этой надежды и легко. Гурьяну легко копать лопатой пески, глину, разбивать камни... Тимке легко тянуть тяжелую нагруженную бадью, легко промывать многие десятки пудов песку, глины и камней... Таковы надежды, они вдесятеро увеличивают наши силы.

Гурьян врывался в глубь земли острой лопатой... Дудка достигала полутора сажен глубины... Солнце падало в нее желтым горячим падуном.

Гурьян бросил лопату и схватил в руки кусок рыхлого, красного песчаника, посмотрел вверх: «не глядит ли в дудку Тимка». Нет, не глядит, и Гурьян дрожащими руками разломил песчаник на двое. Из излома выпал длинный, со спичечную коробку, гладкий камень. Упал на песок к ногам Гурьяна, вспыхнул густым малиновым светом... Поднял Гурьян камень и сунул в карман... Некогда было рассматривать, Тимка подавал бадью и кричал:

— Береги голову!

Гурьян прижался к стенке дудки и пропустил бадью... Сочно шлепнулась она на влажный песок и скоро, нагруженная, полезла вверх.

«Так вот он когда долгожданный попал в Гурьяновы руки... Рубин, а то турмалин»,—и парню хотелось крикнуть: «Тимка, бросай работу. Я нашел самоцвет и мы теперь—богачи», но не крикнул, а досадливо подумал:

«Тимка здесь, как же скрыть от него?..»

Конные ближе...

Да, Гурьян не скажет Тимке про камень, скроет и будет владеть им один. Он нашел, и камень должен принадлежать ему... Поделить на двое—достанется по-малу... Зачем раздумывать. Разве хватит у Гурьяна сил разделить камень? Не хватит, слишком долго он думал о нем.

Теперь он богат, теперь ему можно бросить хищничать, ему не нужно золота, он проживет без него.

Пришла бадья, Гурьян нагрузил ее и, нагружая, осматривал каждый кусочек песку и глины. Но больше самоцветов не было...

Поднялась бадья...

Зачем Гурьян сидит в этой шахте, роет песок, зачем ему это...

Он не хочет больше рыть его, ни одной лопаты, пусть роют другие, а он начнет совсем иную жизнь... И Гурьян кричит из дудки:

— Тимка, подай бадью!.. У меня голова разболелась, совсем не могу работать.

Бадья опускается и поднимает Гурьяна наверх... Глядит на него Тимка.

— Голова разболелась?..

— Да, ломит всю, терпенья нет...

— Ложись!..—и смотрит Тимка внимательно на Гурьяна. Хочет показать Гурьян, что он болен, сильно болен, но ему не удается это... Скользит у него по лицу радость, видит ее Тимка, и у него рождается подозрение...

— Правду ли болен Гурьян, не врет ли он... Уж не нашел ли он самородку, а може дорогой самоцвет... и хочет скрыть...

Друг Гурьян Тимке, а Тимка никогда не доверял ему вполне. Всегда думал Тимка, что Гурьян может нарушить дружбу... Молчаливый, подозрительный человек Гурьян...

— Болен, ложись,—говорит Тимка...

Ложится Гурьян на горячий песок, закрывает глаза. Он их нарочно закрывает, чтобы увидать свою новую жизнь, которая пойдет от самоцвета. Раньше не раз Гурьян, закрыв глаза, видел эту жизнь. Были в той жизни чужие страны, большие красивые города. Бродил по ним Гурьян и было ему невыразимо приятно... А теперь вот не получается, не встает перед глазами эта интересная жизнь, хоть самоцвет и в кармане, в мыслях одно торчит, как заноза... «как скрыть камень от Тимки?»

Вечером говорит Гурьян Тимке:

— Ты, может сходишь домой за продуктами, у нас они на исходе...

— Как же ты один-то останешься?..— отвечает Тимка,—а если хуже будет?.. Нет, я уж тебя не брошу!.. Завтра схожу!..

Тогда Гурьян начинает стонать, метаться, жаловаться на жар во всем теле.

...отделяет их от Гурьяна куча кустов...

— Ну, вот видишь, ушел бы я, а тебе хуже...

— Помочи мне лоб водой,—просит Гурьян.

Тимка холодной водой мочит здоровый и совсем негорячий лоб Гурьяна.

— Дай пить...

Тимка дает пить.

— Тимка, может сходишь в деревню, возьмешь лошадь, увезешь меня... Умру я здесь.

А Тимка отвечает:

— Как же я уйду, вдруг да ты без меня умрешь?.. Я буду лечить...—и Тимка льет воду на гурьянов лоб, а сам думает:

«Притворяется, чортова шкура! Нашел что-нибудь и думает меня спровадить... Если прямо спросить,—чего нашел... Скажет—ничего... Тогда обыскать». Но обыскивать Гурьяна боится Тимка, не верит в свои силы, здоров Гурьян.

Начинает Гурьян кричать, плакать... Он требует доктора, лошадь, он хочет домой... и Тимка уступает Гурьяну... Он приносит котелок воды и ставит рядом с больным.

— Захочешь пить, пей! Я скоро, бегом,—и уходит по тропинке, которая ведет в деревню... На земле ночь. Тимка отходит сажен пятьдесят, сворачивает с тропинки в сторону и крадется в темноте к Гурьяну... Подполз и спрятался за кучей песку... Лежит Гурьян, не стонет... Чудится Тимке, что смеется Гурьян, дергается радостью лицо. Плохо видно, месяц молод и бледен...

Не отрывает Тимка глаз от Гурьяна и видит, как встает парень, достает из кармана камень. Это большой камень, почти с куриное яйцо, и горит он, горит переливчатым светом... то густо-красным, то бледнеет, как месяц, и тогда видно его насквозь, будто каплю чистой воды... то опять краснеет одной стороной, а другая зеленоватая, как огонек спиртовой лампы. Живет камень в руках Гурьяна, и любуется Гурьян на него, не видит, что за спиной Тимка.

Не видит, что Тимка встал, он страшен, он готов схватить Гурьяна и задушить его... Взять камень себе... Но Тимка опять прячется за песчаную кучу... Он не решился, он не может в спину убить человека...

Хоть Гурьян и обманул, а все же он близкий человек, и Тимка не подымет на него руку...

Ждет Тимка... Гурьян прячет камень в карман, припадает губами к котелку и долго пьет воду.

— Золото я оставлю ему,—говорил Гурьян,—да, оставлю... и желоб, и ковш, и лопату, и дудку... Пусть роет, я себе нашел, пусть он ищет себе...—говорит это Гурьян так, что слышит Тимка и радуется:

— А, мне оставляет, не совсем потерял совесть... А камень он не отдаст, добровольно не отдаст...

Гурьян говорит еще, это он говорит камню:

— Теперь мы пойдем. У нас все есть, ничего нам не надо, у нас все есть— и смеется звонким радостным смешком. Видит Тимка, что совсем изменился Гурьян, другой, не похож. Говорит сам с собой... Не решается Тимка окликнуть его, потребовать свою долю камня...

— Пора,—говорит Гурьян и уходит тропинкой не к деревне, а в горы и в лес... Встает и Тимка. Он бежит к камням и берет банку с золотом, потом берет свой хлеб и Гурьянов хлеб и идет по той же дорожке, по которой ушел Гурьян.

Думает Тимка:

«У него камень, ему ничего не надо. У меня нет камня и мне пригодится хлеб». Тимка решил итти за Гурьяном неотступно, решил получить свою половину камня...

(Окончание следует)

Наша

КАК МЫ ДОБИЛИСЬ ГОРЯЧИХ ЗАВТРАКОВ

Хорошее дело устройство горячих завтраков в трудшколах. Придешь это утром в школу, позанимаешься немного, поработал, да и чайку, молока горячего с хлебом поел или еще чего-нибудь другого. А ведь сколько пользы от этого в смысле оздоровления для наших детей.

Но все-таки трудновато провести эту задачу в наших условиях из-за материальных недостатков.

Пришлось об этом подумать и нашим железнодорожным трудшколам при ст. Бирзула. Вопрос поставили на заседании педагогического совета. Выделили комиссию из педагогов, комсомольца (пионер-работника), представителей от женотдела и пионеров. Живо закипела работа, хотя и трудно было все доставить, но постепенно стало появляться примитивное оборудование двух кухонь, как-то: самовар, кастрюли, чашки, столы и т. д. Средств мало было. Как быть дальше, ведь нельзя оставить работу на полдороге.

И тут выход был найден. Решили устроить вечер с лотереей, буфетом, спектаклем, концертным отделением. Подготовка закипела. Живое участие приняли в этой работе все пионеры и школьники через форпост и школком, путем сбора вещей для лотереи, распространения билетов, украшения зала и театра.

Благодаря работе комиссии, вечер вышел на славу, как со стороны организованности, так и с материальной, т.-е. он дал нам несколько сот рублей. Эти деньги для детей являются громадной суммой, на эти деньги бедные дети-школьники будут теперь иметь горячие завтраки.

Комиссия свою работу провела на 100%, при помощи и активном участии пионеров и всех школьников.

Кожало.

Ст. Бирзула АМССР.

В ШКОЛЕ.

Утро. К школе тянутся вереницы учеников. Солнце своими лучами бодро озаряет детские лица, и на их лицах можно прочесть радость. Со всех окраин села дети стекаются к большому, угольному, красному дому. На здании вывеска:

«Ивановская Советская Трудовая Школа».

Дети в ней занимаются по две смены.

В первой смене младший возраст, а во второй постарше ребята. Всего детей в ней учащихся 310 человек, девять преподавателей.

Большая часть учеников организованы в отряды Юных Пионеров. Занятие пионеров проводятся при школе. При школе учащимися выбран свой Школьный Исполнительный Комитет (ШИК), который руководит всеми низшими комиссиями. При школе выходят две школьные стенные газеты: «Смена Пионерская» и «Красный Школьник». В школе есть следующие комиссии: культурно-просветительная, кооперативная, хозяйственная и санитарная комиссия. Все эти комиссии имеют свой определенный план.

Культкомиссия, как просветитель, организует разные кружки при школе. Хозяйственная комиссия следит за материальным порядком по классам. Кооператив, как орган, обслуживает учащихся канцелярскими принадлежностями. Санкомиссия следит за чистотой класса и гигиеной учащихся, наблюдает за ним, чтобы был чистый воздух в классах и чтобы ученики являлись в школу чистыми и опрятными. Санкомиссия укрепляет наше здоровье. Ребята тесно сплачиваются вокруг санкомиссии, потому что нам ясно, что здоровый человек — строитель нашего советского государства.

Иван Поиз.

Донбасс, с. Ивановка, Луганский округ.

НАШЕ ШЕФСТВО

В первых числах октября у нас открылся «ночлежный дом» для беспризорных ребят, над которым наша пионершкола взяла шефство. Первое время работа среди них проводилась слабо, потом двинулась вперед. Три раза в неделю мы у них проводили разные игры, читки, которые их очень интересовали. Постепенно в «доме» налаживается самоуправление. Выбираются разные комиссии, которые следят за чистотой и за хозяйством дома. В эти комиссии входит по одному члену и от нас пионеров. Большое желание есть у ребят стать пионерами, и Райбюро ю. п. даже поручило нам подготовить отряд в 30 человек.

Задержка в том, что некоторые ребята курят. Чтобы искоренить это, мы проводим беседы против курения и ведем дневник о поведении тех ребят, которые хотят вступить в пионер-организацию. В скором будущем мы надеемся, что они организуются и что из них выйдет хорошая смена комсомолу.

И. Городинский.

Киев, 1 пионершкола-коммуна.

ПИОНЕРЫ ВЫРУЧИЛИ

Вечер. Драмкружок репетирует пьесу, играет музыка. Мы пришли на звено и увидели в углу беспризорного. Все ребята обступили его и закидали вопросами:

— Как ты сюда попал?

— Где ты живешь?

Беспризорный вначале опустил глаза и не хотел с нами разговаривать. Но, видя ласку пионеров, он развязал язык:

— Я думал: у вас сегодня спектакль будет.

Потом рассказал, что у него родителей нет и он ночует под трамвайным вагоном-станцией, на Серпуховской площади.

— А хочешь вступить в пионеры?

— Хочу.

На следующем сборе отряда был поставлен вопрос о беспризорном. Ребята говорили:

— Я принесу рубашку.

— А я—штаны.

Постановили в месяц собирать по 10 к. с пионера на его содержание. На руки ему не давали, а поручили уборщице кормить его и за ним следить.

Вскоре узнали ячейка комсомола и правление клуба, и беспризорного отправили в детдом. Теперь он вступил в пионеры и стал звеновым детдомского отряда.

— Спасибо, ребята, выручили,—говорит теперь он нашим пионерам.—Я теперь в детдоме приучаюсь к ремеслу.

Трушикова.

Москва, 35 отряд Замрайона.

ПОМОЩЬ РАБОЧЕМУ КЛУБУ

«Ванька рисуй скорей, мне нужна кисть» — говорит один пионер другому. Давайте, ребята, сегодня сделаем уголок пионера в красном уголке взрослых». Предложение принято. Закипела работа. Одни рисуют лозунги, другие мастерят портреты Ильича. Одним словом, заняты все. Всего работает 10 человек, звено. Через час уголок готов. С большой энергией развешивают ребята портреты вождей, лозунги, диаграммы.

Есть библиотечка, читальня, где работаем мы каждый день. По вечерам здесь оживление. Каждый пионер дежурит в уголке. Помогаем взрослым в работе: подшиваем газеты, выметаем комнату. Все наше время проходит радостно и полезно.

П. Перевозчиков

Гор. Рославль, Смоленской губ.

ЖИЗНЬ

У КРАСНОАРМЕЙЦЕВ

Над нашим 5-м отрядом еще в мае 1925 г. взяла шефство гарнизонная ячейка РЛКСМ, состоящая из красноармейцев и служащих ОГПУ. Мы сразу зажили дружно с ними, в особенности с красноармейцами. Не проходило вечера, чтобы в казарме не было пионеров. Красноармейцы об'ясняли нашим ребятам устройство винтовки, учили стрелять, и один раз мы с ними ходили в поле на стрельбу. Красноармейцы полюбили нас, а мы их. От них, для более близкой связи, был выделен красноармеец в совет вожатых.

Когда мы бывали в казарме, то беседовали с красноармейцами о нашей жизни и работе. Многие из них обещали нам организовать в своих деревнях пионер-отряды. Мы ставили у себя в отряде доклады о Красной Армии, ее истории и значении. Нас не забывали красноармейцы и тогда, когда мы уехали в лагерь. Красноармеец был наш желанный гость там. Срок службы их истекал, и мы с грустью думали о нашем раз'единении. Красноармейцы уехали, но и сейчас мы ведем переписку с ними. Они пишут о своей работе в деревне, как они организуют крестьян и их детей.

Сейчас же мы готовим уголки в клубе, предназначенном для новых красноармейцев, которых мы ждем с нетерпением. Особенно стараемся мы хорошо создать военный и пионерский уголки.

Киселев.

Н.-Тагильский, 5 отряд

В МАСТЕРСКОЙ

Сегодня организационное собрание по поводу открытия столярной мастерской. Клуб понемногу наполняется пионерами. Шутка ли, — давно хотели мастерскую организовать, наконец, дождались. Нынче первое собрание. Ознакомление с работой и выборы бюро, вот задача этого собрания, а с следующего раза уже приступаем к работе.

Собрались почти все пионеры, которые будут работать по столярному ремеслу. Собрание открыто... Выступает т. Краснов, руководитель мастерской. Говорит недолго. В кратких чертах знакомит он нас с предстоящей перед нами работой—«только, чтобы у меня не баловаться» — говорит он в заключение. Ребята смеются.

— «Какая же работа выйдет, если мы будем баловаться». «Сами хотим научиться-то».

Затем идут выборы бюро мастерской. Намечают кандидатуры, и после некоторых споров бюро, наконец, выбрано..

В мастерской занимаемся по 16 человек (два звена) - как мальчики, так и девочки—все здесь. Хотя и были сначала разговоры: «Куда, дескать, вам в мастерской работать, да еще в столярной», но потом примирились сами,— ведь в пионерской семье все должны быть равны. Не все ли равно, что мальчик, что девочка...

Без баловства слушают беседу. Внимательно припоминают и записывают названия инструментов.

— «Вот эта риска, а это перунка»— говорит руководитель, а в следующий раз ребята рассказывают проработанное на прошлой беседе, — припоминают: «Мы говорили о том, какие и где растут деревья и для какой обработки более всего они подходящи. Вот возьмем дуб»...—рассказывает пионер о предыдущем уроке.

Кроме устных воспоминаний, это же можно увидеть и в дневнике мастерской, который ведется выделенным бюро.

Ребята стараются, делают в дневнике записи, зарисовки инструментов и деревянных изделий. Здесь же список всех инструментов самой мастерской.

Так пока ведется у нас работа. При помощи бес д мы хорошо хотим ознакомиться с строением дерева и его особенностями, а затем уже, будучи достаточно подготовленными и прав льн подойдя к столярному ремеслу, мы приступим к основной нашей работе. Мы знаем, что хорошим столяром можно быть только тогда, когда человек достаточно подготовлен, и мы эту подготовку посредством бесед проводим.

Теперь уже осталось немного, и мы скоро перейдем к работе у верстака.

У верстака предполагаем вначале также делать простую работу, чтобы набить хорошо руку и чтобы при дальнейшей, более сложной, работе все выходило гладко, ровно и чисто.

Деткор **Конст. Поздняев.**

КАК МЫ РАБОТАЕМ

В нашей базе находятся четыре отряда. Каждый отряд состоит из пяти звеньев. До сих пор у нас проводилась больше отрядная и базовая работа, но теперь больше проводится работа по звеньям. Звеновая работа у нас значительно улучшилась; раньше план для звеньев давался вожатым отряда и вожатым базы, теперь же план для звена вырабатывается самим звеном. В своем плане звено намечает беседы, работу в уголке, в школе, в семье, работу по прикреплению (каждое звено у нас прикреплено к предприятию, к детсаду, к детчитальне и т. п., где и проводит свою работу).

Кружки у нас сейчас общебазовые, но думаем перейти на отрядные. Сейчас у нас имеются такие кружки: кружок деткоров, выпускающий газету «Ильичата», Авиахим, Радиолюбительский, ИЗО. Все эти кружки работают исправно. Есть читальня, где находится «Уголок деткора» и «Художника». Уголки ведут у нас звенья, например, звено «Безбожник»—«Уголок науки и религии», звено «Радиолюбители»—«Уголок радио» и т. д.

При базе есть две мастерские: столярная, починяющая скамейки и т. п. вещи базы, и переплетная, починяющая книги из библиотеки базы. При отрядах имеются группы октябрят, у которых есть своя комната, где ведется их уголок.

Деткор **Октябрь.**

Гор. Владикавказ.

ДЕРЖИМ СВЯЗЬ С ПИОНЕРАМИ ЗАПАДА

Смех и говор слышен в большом зале школы, сегодня общий сбор коллектива.

— А знаешь, Сенька, нам прибыло письмо из Германии.

— Что ты? Не верится.

— Вот сейчас сам услышишь.

Начинается сбор. Первый вопрос на повестке дня—доклад о строении форпоста. Доклад окончен. Задается множество вопросов, после выносится соответствующая резолюция и приступают к чтению письма, присланного германскими пионерами. При тишине председатель читает:

«Дорогие товарищи, ваше письмо получили,—читает пионер,—очень вам за него благодарны, мы вкратце опишем нашу работу. Живем в тяжелых условиях, боремся часто с полицией, в наши ряды втягиваем много школьников, выпускаем свой спартаковский журнал, где отражаем нашу жизнь. Мы помогаем работать комсомолу, они в свою очередь руководят нами.

С коммунистическим приветом
Спартаки Германии».

Кончил читать. Ребята все еще молчат—заслушались.

— Да, вот где настоящая пионер-работа!—не удержался Шура. Его прерывает председатель:

— Ну, ребята, нужно ли написать ответ на письмо?

— Нужно, нужно,—подхватили ребята,—поручить организатору выработать.

Дальше—текущие дела, и пионеры расходятся домой.

Ким Серебряный.

Екатеринослав.

Вера Фигнер

Убийство Александра II *)

Убийство царя Александра II, который после „освобождения крестьян" проявил себя, как ярый враг какой-бы то ни было свободы, долго подготовлялось народовольцами. Убийство предполагалось осуществить при помощи взрыва мины. С этой целью был устроен мнимый магазин сыров, из него велся подкоп под улицу, по которой должен был проехать царь.

Со времени [redacted] царя прошло ровно 45 лет. Многие участ[redacted]а, в том числе и Вера Фигнер, живы в [redacted]ремя.

14-го февраля, в воскресенье, император, ездивший по воскресеньям в Михайловский манеж, и всегда по разным улицам, проехал по Малой Садовой. Подкоп к этому времени был уже [redacted], но мина не заложена.

Когда мы узнали об этом, то возмутились медленностью техников. Следующего проезда приходилось ждать, быть может, целый месяц.

Негодуя, Комитет на заседании постановил, чтобы к 1-му марта все приготовления были закончены, мина и разрывные снаряды готовы. Наш план состоял из трех частей, преследовавших одну цель, чтобы это, по счету седьмое, покушение наше было окончательным. Главной частью был взрыв из магазина сыров; о нем знали только члены Комитета. Если бы этот взрыв произошел немного раньше или позже проезда экипажа царя, то, как раньше было сказано, четыре метальщика: Рысаков, Гриневицкий, Тимофей Михайлов и Емельянов с двух противоположных сторон на обоих концах Малой Садовой должны были бросить свои бомбы; но, если бы и они остались почему-нибудь без результата, то Желябов, вооруженный кинжалом, должен был броситься к государю и кончить дело.

Наступал третий месяц существования магазина сыров в доме Менгден. Хозяева магазина Кобозевы (Богданович и Якимова) с внешней стороны удовлетворяли всем требованиям своего положения — рыжая борода лопатой, широкое лицо, цвета томпакового самовара, как, смеясь, говорил о себе Богданович, речь, сдобренная шуткой, меткая и находчивая (за словом в карман не полезет), делали Богдановича извне настоящим заурядным торговцем, а Якимова, с ее демократической наружностью, подстриженной «чолкой» на лбу и вятским выговором на «о», была как нельзя больше ему под-пару. Но насчет коммерции оба были слабы, и соседние торговцы сразу решили, что новопришельцы им не конкуренты. К тому же денег в январе — феврале у нас было мало и закупка сыров была скудная. Однако, скудость запасов на первый взгляд не бросалась в глаза.

Хотя прилавок имел приличный вид, но бочки для сыров стояли пустые: они наполнялись землей из подкопа под улицу. Неумелость торговцев, как таковых, а, быть может, слежка за кем-нибудь из тех, кто по ночам работал в подкопе, но только полиция обратила, наконец, внимание на это заведение.

27-го февраля, вечером, к Тригони явилась полиция и арестовала, как его, так и Андрея Желябова, сидевшего у него.

Кобозев рассказал о посещении сырной лавки какой-то, якобы, санитарной комиссией, полицейская цель которой была очевидна. Дело висело на волоске. «Это что за сырость?»—спросил пристав, указывая на следы влажности подле одной из бочек, наполненных сырой землей.— «На масленице сметану пролили»,—ответил Богданович. Загляни пристав в кадку, он увидал бы, какая сметана была в ней.

В углу, на полу, лежала большая куча земли, вынутой из подкопа. Сверху ее прикрывала рогожа и был наброшен половик. Достаточно было приподнять их, чтобы открытие было сделано. Но все миновало, и этот осмотр, даже легализировал магазин, так как подозрительного в нем ничего не было найдено. Было ясно, что дело, давно задуманное, с трудом и опасностью доведенное до конца,—дело, долженствовавшее закончить двухлетнюю борьбу, связывавшую нам руки, может накануне своего осуществления погибнуть. Все можно было перенести, только не это.

Между тем, все было против нас: нашего хранителя — Клеточникова [1]) мы потеряли; магазин был в величайшей опасности; Желябов, этот отважный товарищ, будущий руководитель метальщиков и один из самых ответственных лиц в предполагаемом покушении, выпадал из замысла, и в довершение всего, мы с ужасом узнаем, что мина до сих пор не заложена и ни один из четырех снарядов не готов... А завтра—1-го марта, воскресенье, и царь может поехать по Садовой...

Среди этих-то обстоятельств, 28-го февраля, мы, члены Исполнительного Комитета, спешно собрались на квартире у Вознесенского моста. Когда Перовская поставила основной вопрос, как поступить, если завтра, 1-го марта, император не поедет по Малой Садовой, не действовать ли тогда одними разрывными снарядами, все присутствовавшие единогласно ответили: действовать. Завтра, во что бы то ни стало, действовать. Мина должна быть заложена. Бомбы должны быть к утру заряжены и наряду с миной или независимо от нее должны быть пущены в ход.

Было около 3-х часов дня субботы.

Исаев был немедленно отряжен в магазин заложить мину; квартира Желяб ва и Перовской, с помощью Суханова и военных, была очищена, и Перовская Софья Львовна перешла к нам. Не успели оповестить не только всех членов, но даже сигналистов Садовой улицы, но роли последних, как и метальщиков, были заранее определены, и свиданье на воскресенье со всеми ими уже условлено.

С пяти часов вечера три человека должны были явиться на нашу квартиру и всю ночь работать над метательными снарядами. Это были: Суханов, Кибальчич и Грачевский. На квартире остались, считая меня и Перовскую, пять человек. Уговорив измученную Софью Львовну прилечь, чтобы собраться с силами для завтрашнего дня, я принялась за помощь работающим там, где им была нужна рука, хотя бы и неопытная: то отливала грузы с Кибальчичем, то обрезывала с Сухановым купленные мной жестянки из-под керосина, служившие оболочкой снарядов.

В 8 часов утра, 1-го марта, четыре снаряда были готовы после 15-ти часов работы трех человек. В 10 ч. утра на Тележную пришли Рысаков, Гриневицкий, Емельянов и Тимофей Михайлов. Перовская, все время руководившая ими вместе с Желябовым, дала им точные указания, где они должны стоять для действия, а потом, после проезда царя, где сойтись.

По распоряжению Комитета, 1-го марта я должна была оставаться до 2-х часов дня дома для приема Богдановича и Якимовой (Кобозевых), так как Якимова должна была выйти из магазина за час до проезда государя, а Богданович—вслед за сигналом, что царь показался на Невском; сомкнуть же электрический ток должно было третье лицо, которое могло выйти из лавки в качестве постороннего человека в том случае, если бы ему не было суждено погибнуть под развалинами от взрыва, произведенного его рукой.

На деле царь не поехал по Садовой, но Перовская выказала тут все свое самообладание. Быстро сообразив, что путем, по которому государь поедет обратно, будет набережная Екатерининского канала, она изменила весь план, чтобы действовать уже одними бомбами. Она обошла метальщиков и поставила их на новые места, условившись о сигнале, который даст, махнув платком.

В начале третьего часа один за другим прогремели два удара, похожие на пушечные выстрелы: бомба Рысакова разбила карету государя, бомба Гриневицкого сокрушила императора; смертельно раненые—и царь, и метальщик через несколько часов были бездыханны.

Прошло не более недели,—и мы потеряли Перовскую, предательски схваченную на улице. Вслед за ней погиб Кибальчич, как говорят, по доносу хозяйки, а у него был арестован Фроленко, попавший в засаду. Потом был взят Иванчин-Писарев. Белый террор открыл свои действия.

*) Из книги «Запечатленный труд».

[1]) Клеточников—народоволец служил по поручению партии в III отделении (охранка) и сообщал революционерам о действиях полиции—был арестован незадолго до этого.

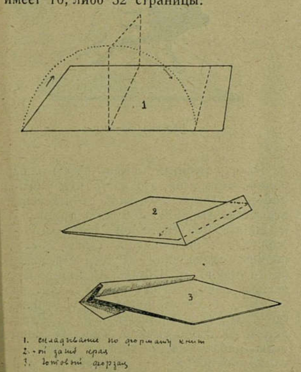
Е. Олендан

КАК ПЕРЕПЛЕТАТЬ КНИГИ

Теперь попробуем переплетать книги. Для первого раза, во что бы то ни стало, постарайтесь достать новые, не истрепанные книжки,—на них легче будет учиться переплетать.

В книге каждый край имеет свое название: верхний—«головка», нижний—«хвост», места сгибов листов—«корешок» или «спинка», и, наконец, противоположный корешку край—«передок».

Раньше всего нужно оторвать передний и задний листы обложки. Если посмотреть в корешок книжки, то заметно, что книжка состоит из тетрадок, т.-е. больших печатных листов, сложенных в несколько раз. Сгибы этих листов сшиты нитками, проволокой или просто склеены. Нужно освободить книжку от проволоки или ниток и разобрать ее на отдельные тетрадки. Каждая тетрадка имеет 16, либо 32 страницы.

Как делать форзац

Разобрав книгу, мы складываем все сгибы тетрадей ступенькой и счищаем тупой стороной ножа клей. Затем сталкиваем тетрадки в корешке и головке, постукивая по столу, кладем между двух досок в пресс для обжима. Старые книги разбирать дольше и труднее. Сгибы листов очень часто разорваны, поэтому надо подклеить все разорванные сгибы листа.

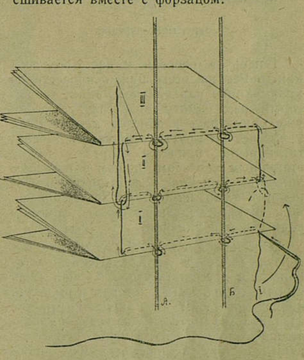
Вынув книгу через некоторое время из-под пресса, мы приготовим ее к пропиливанию: сложим все тетрадки ровно, опять вставим книжку в пресс, но так, чтобы ее корешок выступал на $1/_2$ дюйма, затем делаем на корешке 4 или 5 пометок; для книжек среднего размера можно 4, и по этим пометкам делаем пилкой прорезы: 2 средних—для шнурков так, чтобы в прорезе помещался шнурок, 2 крайних прореза мельче (см. рис.). Если пилы нет, можно прорезы делать острым ножем, держать его нужно наклонно. Если есть подпилок трехгранный, хорошо немного расширить отверстия и сгладить их.

Пока книга находится в прессе, мы можем приготовить форзацы. Берется полоса бумаги шириной в длину книги, а длиной в $2\,1/_4$ раза шире, чем книга. Собирают полосу на две неравные части, одна часть почти равна ширине книги, вторая часть — ширине; излишек второй части загибают так же, затем тут же делают неширокий общий отгиб.

После отгиба остается с одной стороны полоска—«слизура». Форзацов, т.-е. таких двойных листков делается два, с обеих сторон книжки, как уже было сказано, из простой бумаги, сшиваются они с книжкой, «слизурой наружу».

Заготовив форзацы и пропилив книжку, мы можем начать ее сшивать. Для этого нужно подготовить станок, настоящий, либо наш домашний, — все равно,—натянуть два шнурка, расстояние между шнурками равно расстоянию между двумя средними пропилами книги. Затем надо сесть ближе к левому краю станка, левой стороной к станку, боком, так, чтобы левая рука находилась на доске станка или стола, а правая по другую сторону шнурков.

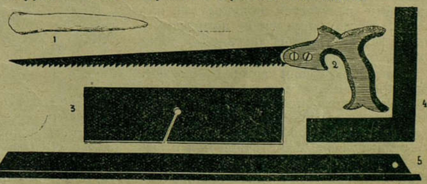
К первой и к последней тетрадке книги прикладываем форзацы, загибом внутрь и слизурой наружу, так, чтобы корешки тетрадей первой и последней входили внутрь загиба. Укладываем книгу на расстоянии от шнурков так, чтобы первая страница была кверху. Затем первую тетрадку берем, прикладываем ее к шнуркам так, чтобы они приходились вплотную к ее средним пропилам; тетрадка тут уже лежит первой страницей кверху. Номера страниц будут у правой руки, сигнатура — у левой. Так все тетрадки при сшивании мы будем поворачивать меньшими цифрами страниц книзу. Берем в правую руку иголку с ниткой. Нитка одинарная, без узла на конце. Левая рука в середине тетрадки; подвинув пропилы вплотную к шнуркам и подравняв форзац с головкой тетрадки, мы втыкаем иголку снаружи в первый пропил, левая рука подхватывает иголку, втягивает ее внутрь, оставляя снаружи небольшой конец нитки в дюйм длины, втыкает иголку изнутри во второй пропил, снаружи иглу подхватывает правая рука, вытягивает нитку и вводит иголку опять внутрь второго пропила, обойдя шнурок и обхватив его ниткой, изнутри опять левая рука выводит нитку с иглой наружу в третий пропил; правая рука снова обходит иглою и ниткой второй шнурок, опять игла идет внутрь в этот самый третий пропил, отсюда игла и нитка изнутри проводятся левой рукой в 4-й пропил. Здесь снаружи 4-го пропила нитка подтягивается, тетрадь вплотную прижимается к шнуркам. Затем берем вторую тетрадку, укладываем ее тоже вплотную к шнуркам соответственно пропилам так, чтобы она была поверх загиба форзаца. Проверяем, правильно ли страницы второй тетрадки следуют за страницами первой, сшивать ее начинаем с противоположного края, т.-е. там, где у первой тетрадки вышла нитка, там у второй она входит; во второй тетради нитка с иглой также проходят через все пропилы, обходя вокруг шнурков. Когда нитка вышла из последнего пропила 2-й тетради, мы подтягиваем нитку и связываем ее петелкой с концом нитки, который мы оставили у первой тетради, затем прошиваем третью тетрадь, нитку с иглой из последнего пропила 3-й тетради подводим в соединение 1-ой и 2-ой тетради; таким образом все три тетради соединяются. Такое скрепление нужно делать все время по обе стороны тетради. Так производится сшивание книг. Важно все время подтягивать нитку, подгонять все тетради вровень в головке и вплотную к шнуркам. Последняя тетрадка, как и первая, сшивается вместе с форзацом.

Как сшивать листы

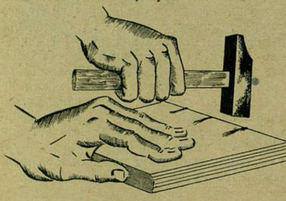
После того, как книги сшиты, мы снимаем их со станка, оттягиваем по шнуркам друг от друга на расстояние в 2—3 дюйма, затем перерезаем шнурки.

Каждая книжка теперь имеет по два отрезка бечевки с каждой стороны; их теперь нужно растрепать при помощи растрепки. Для этого головную книжку мы кладем у края стола корешком к себе, затем вводим по очереди концы шнурков в разрез растрепки и тупой стороной ножа треплем их. Растрепавши хорошо шнурки, подклеиваем их к слизуре, затем внутри книги подклеиваем загибы форзаца верхний и нижний, намазывать клейстером нужно те стороны загибов, которые обращены к середине книги. Поместим книгу ненадолго в пресс, чтобы обжать ее немного и затем сможем приступить к проклейке книги.

Инструменты мастерской: 1—косточка, 2—пила, 3—растрепка, 4—наугольник, 5—фальц-линейка

Кладем книгу между двух досок корешком вровень с краями досок. Небольшой кистью, обмакнув ее в клей, несколько раз проводим по корешку книги, затем краем молотка протираем корешок, чтобы клей лучше скрепил тетради книги между собой. После проклейки надо положить ее для просушки.

Округление корешка

Теперь на очереди у нас обрезка книги. Раньше всего нужно провести по краям книги карандашом линии, по которым надо книгу подрезать, а затем уже приступить к обрезке книги. Если у нас нет ни круглого ножа, ни гобеля, то, конечно, придется подрезать книгу старинным способом: ножом с помощью линейки. Линейка плотно прижимается к книге вдоль намеченной линии обреза; нож нужно медленно, но с нажимом водить вдоль линейки.

Обрезка книги ножом круглым гораздо легче и удобнее. Книга вставляется в пресс так, чтобы с одной лишь стороны была доска, которая и выдается вперед на дюйм от книги; книга же сдавливается прессом как раз по намеченной линии обреза. Нужно точно установить книгу в прессе, чтобы линия корешка была параллельна линии пресса, иначе у нас получится неровная линия обреза. Затем ставим пре с боком на пол обоими брусками так, чтобы часть книги, которую хотим обрезать, была кверху, винты пресса по правую руку. Упираем второй конец пресса себе в живот и правой и левой рукой, держа круглый нож, начинаем водить им, прижимая его к книге, вдоль бруска. Еще легче обрезывать книгу гобелем.

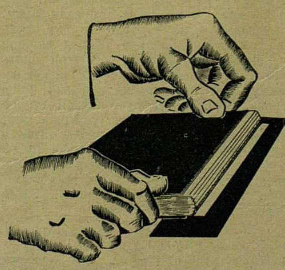
Нужно запомнить, что сначала производится обрезка только передка книги. После обрезки передка нужно округлить корешок книги. Округление производится ударами молотка по корешку книги, не очень сильными, от одного края к другому. Левой рукой держим книгу, правой действуем молотком (см. рис.). Сначала мы обколачиваем книгу с одной стороны, затем—с другой и так несколько раз. Корешок после этого округляется; в середине же передка книги получается полукруглый желобок. После округления подрежем у книги головку и хвост (верхний и нижний края).

Теперь приготовим картонные крышки. Крышки вырезаются из цельного листа картона; нужно предварительно разметить так, чтобы не оставалось лишних негодных обрезков картона. Каждая крышка должна быть шире книги на $^1/_2$ дюйма и длиннее на дюйм. Режется картон при помощи ножа и линейки. Толщина картона должна соответствовать толщине книги.

Приготовив крышки, мы их прикрепляем к книге следующим образом: на месте приклеенных растрепанных шнурков делаются по два мазка клеем и прикладываются крышки на $^1/_2$ сантим. от корешка, отступая так, чтобы выступающие с боков края картона были равны. Крышки таким образом прикрепляются пока не наглухо. Для лучшего прикрепления книга зажимается на несколько минут в пресс. Вынув из пресса книгу, мы подравниваем с помощью фальц-линейки и ножа края крышек. Фальц-линейка вкладывается между книгой и крышкой выступом наружу, и по ширине этого выступа и остаются после подравнивания края крышек (см. рис.).

Остается сделать еще сравнительно немного. Надо наклеить матерчатый корешок и уголки. Корешок вырезается из материи на 1 дюйм длиннее книги, раза в 3—4 шире ее; кроме того, приготовляется «отставка», полоска плотной бумаги, либо очень тонкого картона, размером равная размеру корешка книги. Намазывается клеем матерчатый корешок, к нему на середину его приклеивается отставка. Книга спинкой своей ставится на отставку, свободные боковые края корешка туго натягиваются по обе стороны и приклеиваются к крышкам. Концы корешка загибаются внутрь переплета (см. рис.). Приклеиваются к углам крышек уголки матерчатые, либо бумажные, для того, чтобы углы картона не трепались.

Надо еще обклеить крышки. Если обложки от книги целы и чисты, то мы можем наклеить их. Если же их нет, то делаем обложки из какой-либо бумаги (как было указано вначале). Обложки должны быть больше со всех сторон книги на $^1/_2$ дюйма. Намазываем их клейстером и приклеиваем так, чтобы были видны матерчатые уголки и корешок; для этого уголки у обложек надо подрезать. Края обложки загибают внутрь. Остается еще подклеить форзац. Осторожно намазываем первый листок форзаца ту его сторону, которая обращена к картону. Захлопываем книжку, разгладив раньше все морщинки, зажимаем ее в пресс, и книга готова.

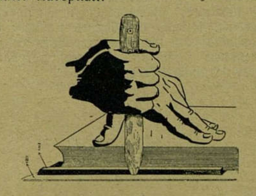

Наклеивание корешка

Нужно еще немного сказать о том, как ребятам работать в мастерской. Раньше всего надо обратить внимание на обстановку работы. Каждый пионер должен иметь определенное место для работы за столом, не меньше $^3/_4 \times 1$ аршин. Табуретки, либо лавки должны быть приспособлены под рост каждого. Комната должна всегда проветриваться. Инструменты должны находиться всегда в порядке.

В мастерской можно сделать плакат, напр. с таким лозунгом: «В переплете книга удобнее и крепче; мы, переплетчики,—книгу лечим».

На каждый рабочий день выделяется из ребят дежурный, который следит за порядком в мастерской.

Важный вопрос в организации мастерской — суметь наладить хозяйство мастерской. Для этого лучше всего звену выделить двух-трех ребят, которым поручить хозяйство мастерской. Эти ребята должны составить точный список инструментов, заботиться о том, как бы добыть недостающий инвентарь, заготовлять материал.

Обрезка крышек

На что ребятам нужно обратить особенное внимание, это на то, как учиться работать. После того, как ребята усвоят все элементы работы, нужно приступать к работе коллективной. Коллективная работа для звен очень важна. Мы тут вводим разделение труда. Например, звено взяло в работу 50 книг. Всем звеном распределяют работу: двое разбирают, 1 пропиливает, 1 заготовляет форзацы, трое сшивают и т. д. Работа двигается очень быстро. Каждый пионер свою работу очень хорошо усвоит, но самое важное то, что мы приучимся работать коллективно, зная, что ты подготовляешь работу для товарища, а от другого товарища только что сам получил сделанную им для тебя работу. Конечно, при каждой партии книг пионеры меняются работой.

И, наконец, последнее: звено должно уметь учитывать свою работу, подводить итоги ее для того, чтобы знать, что сделано и как: плохо или хорошо, причины неудач, как их исправить и т. д. Звено должно аккуратно вести дневник, писать его нужно всем звеном, коллективно. Здесь нужно отмечать посещаемость ребятами мастерской, что делали в каждый день работы, как шла работа, были ли случаи неорганизованности в работе, как их устранить и т. д. Хорошо раз в месяц либо раз в два месяца подводить итоги в дневнике тому, что проделано в мастерской за это время.

Кроме того, в звеновом уголке в отряде работа звена в переплетной мастерской должна также найти свое отражение в виде диаграмм — количество проработанных часов, количество переплетенных книг и т. д., плакатов, маленькой выставки первых и последующих переплетных работ звена, показывающей успехи ребят в работе.

КИНО

«Волна, высотой в трехэтажный дом, взревев, как раз'яренный зверь, ударила в борт брига, перекатилась через палубу и, сорвав последнюю лодку, бросила ее через борт. Бриг, точно щепка, взлетел на большую высоту и стремительно ринулся в расступившуюся перед ним водяную пропасть»...

15—20 лет тому назад, любой парнишка или девочка, читая такие строки, не могли даже мечтать о том, чтобы, сидя в комнате, увидеть своими глазами эту картину, написанную в увлекательном романе.

Другое дело теперь. Кто из ребят, забыв обо всем на свете, не сидел в зале кино, глядя, как действуют перед глазами на экране видимые, живые герои.

Эту возможность видеть все, что только может создать фантазия человека, дало человеку кино. Кино изобретено очень недавно, 30 лет тому назад.

Особенно сильное развитие кино получило в Америке. Там сейчас выстроены чуть ли не специальные кино-города. Грандиозные технические приспособления позволяют американцам снять, что угодно. Не выезжая из своей страны, они могут сделать для картины и природу Испании, и египетские пирамиды, и парижские улицы, и сказочный Багдад, и Северный полюс. В Америке, на одной кино-фабрике даже выстроен наш московский Кремль. Кроме того, не покидая фабрики, они могут изобразить и снежную мятель над деревушкой, сделать описанную в начале бурю на море, грандиозный пожар, извержение вулкана, взрыв и гибель корабля, катастрофу поезда,—что угодно.

Наше советское кино по своей технике уступает американскому. И это вполне понятно, потому что оно существует лишь 3—4 года. Но оно очень быстро растет, развивается и догоняет Америку. У нас улучшается техника, выдвигаются хорошие советские кино-работники. Год—два назад у нас снимали очень незамысловатые картины, сейчас же мы можем гордиться некоторыми фильмами, которые ничем не уступят картинам Америки. Одна из последних картин «Броненосец Потемкин», сделанная на 1 Госкино-фабрике нашим режиссером С. М. Эйзенштейном, смело может быть поставлена наравне с лучшими американскими фильмами.

Но зато по содержанию американские картины уступают нашим. Их картины напиханы приключениями буржуазных «благородных» сынков и дочек, в то время, как наши советские картины заняты совершенно другим. В них отражается жизнь и борьба рабочего класса. Наше кино не забывает и ребят. За границей детей пичкают разной «индейщиной», «пинкертоновщиной» и т. п., ничего кроме вреда не дающей приключенщиной, — наше кино дает ребятам увлекательные, интересные и в то же время полезные и здоровые картины.

СЛЕВА — Кино-аппарат во время съемки. В круге видна снимаемая группа. НАВЕРХУ СПРАВА — Джекки Куган. В СЕРЕДИНЕ — Съемка фильмы «Красношейка» ВНИЗУ — Картина из фильмы, «Броненосец Потемкин».

Сейчас 1-я фабрика Госкино выпускает 3 детские, пионерские картины: «Красношейка», «Федькина правда», «Каштанка». Правда, у нас нет малолетних актеров, как Дж. Куган в Америке, который приобрел большую известность своими картинами. Игра Кугана изумительна,—но плохо лишь то, что все картины, где играет Куган, насквозь пропитаны буржуазными добродетелями, напичканы плаксивостью, которые рассчитаны на то, чтобы растрогать чувствительное, обывательское сердце.

Стенгаз кружка ИЗО

Д. Горлов

Стенная газета и плакат

У нас выработался какой-то трафарет стенных газет. Ребята слишком мало проявляют изобретательности в этом деле.

Не разберешь, с чего же начинать читать газету...

Происходит же это потому, что ребята хорошенько не продумали: что нужно требовать от газеты. 1. Яркое пятно, которое должно привлечь к газете. 2. Чтобы газету могли читать сразу возможно большее количество ребят. 3. Чтобы каждый читающий мог выбрать и сразу найти то, что его интересует. 4. Чтобы статьи легко читались. 5. Чтобы основное (самое главное), о чем говорится в газете и в статьях, было выделено.

Мы предлагаем форму, которая, по нашему мнению, удобнее других.

Такая газета изображена на нашей фотографии.

Газета составляется из нескольких листов:

1-й лист — заголовок. Места для него достаточно, написать его всегда можно крупно и ярко. Он является самостоятельным плакатом, красочным пятном, привлекающим к газете.

В середине газеты можно вклеить также ряд плакатов, отвечающих по содержанию кампании, празднику и т. п. Они, так сказать, создают лицо газеты. Показывают, что отмечается в газете. Кроме этого, они разделяют отделы. Разделение газеты на отделы — обязательно.

Газета, вытянутая в длину, позволяет читать ее сразу довольно большому количеству ребят.

Чтобы газета легко читалась, буквы в статьях нужно писать крупнее и обязательно печатным шрифтом. Лучше всего писать их щепочкой, оструганной лопаточкой.

Хорошо статьи писать не сразу на слоновой бумаге, как это всегда делается. Посадил кляксу и вся газета испорчена. Или—думал, что на листе уместится пять статей, а уместилось три, или, наоборот,— пустое место осталось. Для того, чтобы таких неприятностей не получалось, лучше всего писать статьи так: нарезать писчую бумагу на полосы. Ширина полосы должна быть такой, какой вы хотите сделать столбцы шрифта, и переписывать статьи на них.

Если произошла ошибка или смазалось написанное и пр.,—можно вырезать испорченный кусок и заменить его новым. То, что ошибки легко можно поправить, дает возможность допускать к писанию газеты многих ребят.

Когда весь материал переписан на отдельных листах, каждый отдел можно разложить на полу, разрезать и раздвинуть полосы в тех местах, где должны быть иллюстрации (иллюстрации можно делать тоже на отдельных листках, но на слоновой бумаге). Когда весь отдел скомпанован, т.-е. ребята считают, что все на месте, ничего не нужно прибавлять и убавлять,—вымеряем, сколько отдел займет места, и наклеиваем все на слоновую бумагу соответствующего размера.

Как писать статьи в газете

Предположим, что у вас довольно длинная передовая статья. Статья серьезная. Веселых иллюстраций дать нельзя. Ребята пишут всю ее черной тушью. Получается однообразное скучное пятно. Если таких статей не одна, то дело обстоит еще хуже. Но ведь в статье есть всегда основная мысль и доказательства этой мысли. Здесь, как и в плакате, мы должны выделить эту основную мысль. Выделить все главное можно красной тушью.

Иллюстрации не нужно делать очень мелкими, чтобы они не затерялись в статьях, а выделяли и подчеркивали их. Хорошо помещать и фотографии, но эта роскошь пока еще мало кому доступна.

Отдельные листы газеты склеиваются между собой материей. Это делается для того, чтобы газету легко было убрать, чтобы она не мялась и чтобы в любое время ее легко было читать.

Плакат нужно делать так, чтобы глаз сразу останавливался на нем, чтобы не «разбегались глаза», чтобы по краске он был прост и ясен.

Фигуры на плакате надо делать крупные, без подробностей.

Закрашивать большими пятнами и красить тремя, четырьмя красками (не больше), не пестрить плаката.

Правильное распределение фигур и пятен в плакате еще важнее, чем в лозунге.

Прежде чем рисовать плакат начисто, необходимо нарисовать его на маленьком кусочке бумаги. Раскрасить, хорошенько посмотреть, не перевешивает ли какая-либо сторона по краске, хорошо ли распределены пятна. Если нет—перерисовать его еще раз и т. д. (этот подготовительный рисунок можно отделывать не очень аккуратно, т. к. все равно он будет перерисован).

Когда убедишься, что все уже хорошо, можно перерисовать его на большой лист.

Плакат можно делать не только на бумаге красками. Можно плакат нарисовать, наклеить из цветной бумаги или вырезать его из фанеры.

Кроме того, не нужно завешивать стены только маленькими плакатами.

Сделать так, чтобы вся стена стала плакатом.

У нас в клубе была очень мрачная стена. Сколько мы на нее ни цепляли плакатов, — ничего не получалось, и последний способ нас выручил из беды (см. фотографию).

Плакат из фанеры на стене

ПУТЕШЕСТВИЕ ПЕТЬКИ-ПИОНЕРА

КИНО-ФИЛЬМА ЖУРНАЛА „ПИОНЕР"

РЕЖИССЕР • СЦЕНАРИСТ • БОБКИНС

ХУДОЖНИК • ОПЕРАТОР • В. СУТЕЕВ

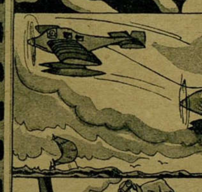

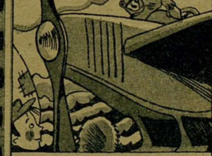
4-я ЧАСТЬ

Содержание предыдущих частей:

Пионер Петька отправляется к Северному полюсу. На севере вместе с пареньком-самоедом находит ценную руду. Организовав охрану этих богатств, ребята едут дальше. Спасают застрявшую подо льдом подводную лодку. Приглашенные в лодку они затеяли охоту на кита. Кит увлекает их за собой на веревке от гарпуна. Выплыв с китом на поверхность они отдыхают на льдине. Но льдина отрывается и...

— Эй слушайте! Я Амундсен. Во втором гидроплане замерз летчик, а с одним гидропланом полюса не откроешь. Оставлю вам гидроплан и летчика. До свидания!

Амундсен улетел, а ребята принялись спасать летчика.

— Мы, пионеры Советского Союза,—сказал Петька летчику,—хотим открыть Северный полюс. Правьте на Север!

— Я не намерен открывать полюсы для большевиков. Лучше смерть!—сказал летчик и спрыгнул вниз. Петька сел за руль.

Всем! Всем Всем!—передавало радио—Северному полюсу точка Передайте Петьке, что его передали в комсомол точка Поздравляем точка Петьки нет точка Нужно выпустить стенгаз точка.

— Поворачиваем обратно,—сказал Петька,—полюс подождет.

Прощай, друг, будем держать связь посредством радио. А кроме того я выпишу тебе журнал „Пионер" (три рубля в год), где будет подробно описано наше путешествие в специальной кино-фильме

ГАЗЕТА ПИОНЕРА

VII С'езд Ленинского Комсомола

11-го марта открылся седьмой с'езд РЛКСМ. За год Ленинский Комсомол проделал большую работу. Союз принял в свои ряды почти миллион новых ребят. Задача Комсомола—воспитать всех этих, комсомольцев в ленинском духе.

За последний год Комсомол нашел лучшие способы воспитательной работы, улучшилось обучение молодежи на производстве, возросло количество комсомольских политшкол.

С'езд уделяет большое внимание пионерской работе и примет по этому вопросу ряд важных решений.

ПРОТИВ ПОДАРКОВ КНЯЗЬЯМ

Правительственные партии Германии внесли в германский рейхстаг (парламент) предложение возвратить бывшим владетельным князьям отобранные у них после революции земли, леса, дворцы и другие богатства.

Таким образом, германский народ должен был отдать своим князьям 3 миллиарда марок (около полутора миллиарда рублей).

Под давлением коммунистической партии и социал-демократов рейхстаг решил произвести всенародное голосование (плебисцит) по этому вопросу. Для этого надо собрать 4 милл. подписей.

Коммунистическая партия Германии устраивает грандиозные митинги и многотысячные демонстрации и успешно собирает подписи против трехмиллиардного подарка владетельным князьям.

К 15 марту было собрано уже 8 мил. подписей

8 ЛЕТ КРАСНОЙ АРМИИ

23 февраля исполнилось 8 лет со дня основания нашей Красной армии. К восьмой годовщине Красная армия насчитывает в своих рядах 600 тысяч человек. Для громадного пространства Советского Союза это очень немного. Наши соседи содержат армии во много раз больше нашей. Но мы не хотим завоевывать их земель, и те средства, которые в капиталистических странах идут на содержание армии, мы употребляем для постройки фабрик и заводов.

Но мы должны быть всегда готовыми к нападению капиталистов, и поэтому всем нужно обучаться военной грамоте, например, знать, как нужно обращаться с противогазами, должен каждый школьник, каждый пионер. Поэтому в школах и клубах будут введены специальные предметы по военному обучению.

АВСТРИЙСКАЯ РАБОЧАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ

В Ленинград приехала австрийская рабочая делегация. Делегацию встречали многочисленные организации рабочих. Ознакомившись с положением рабочих Ленинграда и ленинградской промышленности делегация выехала дальше.

Делегация, кроме Ленинграда, посетит Иваново-Вознесенск, Тулу и Москву—крупнейшие рабочие центры и по приезде на родину расскажет австрийскими рабочим правду о Советском Союзе.

БОЛЬШАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОБЕДА

Печать (книги, газеты, журналы), имеет большое значение в жизни страны. Чем больше существует в стране книг, газет и журналов тем страна культурней, т.-е. ученей и образованней следовательно, сильней и богаче.

Тираж (количество экземпляров) «Крестьянской Газеты» которая существует только два года, достиг миллиона экземпляров. Это самый большой тираж для газеты в Советском Союзе и громадное достижение Советской печати. Это значит, газета проникает в отдаленные глухие углы деревни, учит, образовывает крестьян.

ПЛЕНУМ ИСПОЛКОМА КОМИНТЕРНА

На днях в Москве открылся пленум расширенного Исполкома Коминтерна. Перед пленумом стоят большие задачи. Коммунистические партии всех стран должны обсудить, как нужно работать теперь, когда в буржуазных странах наступило временное упрочение капитализма так наз. стабилизация).

Заседание пленума

На этом пленуме будет намечен план работы Коминтерна до шестого всемирного Конгресса.

Демонстрация, организованная компартией против подарков князьям

В КИТАЕ

За последнее время империалисты сделали ряд новых попыток подавить китайское освободительное движение. Недавно они об'явили блокаду городу Кантону — первому революционному городу Китая. Они закрыли Кантонский порт и тем самым прекратили доступ в Кантон всем судам.

Натиск Англии не увенчался успехом. Под влиянием протеста рабочих всего мира и благодаря тому, что ее не поддержали другие государства, Англия должна была снять блокаду.

Теперь империалисты продолжают наступление соединенными силами. Они составили специальный флот на реке Ян-Цзе, в который каждая держава дала по несколько крейсеров. Флот по реке Ян-Цзе может проникнуть в самое сердце Китая и будет направлен, конечно, против китайского народа.

ГЕРМАНИЯ ВСТУПАЕТ В ЛИГУ НАЦИЙ

Лига Наций — об'единение капиталистических стран Западной Европы — решает в настоящее время вопрос о принятии представителя Германии в Совет Лиги Наций. В совете Лиги места имеют только наиболее сильные государства—так называемые великие державы. Германия, как побежденная в войне страна, не имела там своего представителя.

Государства, входящие в Лигу Наций, все время грызутся между собой. И каждому из них выгодно иметь в Совете больше сторонников. Самыми главными соперниками являются Англия и Франция. Англия стоит за то, чтобы допустить Германию, потому что благополучие Германии зависит от того, даст ли Англия деньги в долг на восстановление разрушенной и ограбленной Германии, и она будет всячески поддерживать Англию. Франции же невыгодно вступление Германии и она чтобы увеличить число своих сторонников, хочет ввести туда Польшу, которая также зависит от нее, как Германия от Англии.